

Игры викингов

Автор:

[Александр Мазин](#)

Игры викингов

Александр Владимирович Мазин

Стратегия #3

«Александр Первенцев, игрок первого уровня, и вдобавок – химера. Это значит – у него есть особый дар притягивать удачу. И проблемы тоже. И многое другое, что Саньку еще предстоит узнать. Но удача – важнее. Потому что она наверняка понадобится тому, кто решил отправиться в боевой поход на корабле викингов, лучших воинов в истории человечества.

Вращать весло драккара в семибалльный шторм, выходить на поединок с сильнейшим противником, держать строй против втрое превосходящего врага и не отступать, потому что честь важнее жизни... Словом, играть в жестокие игры викингов, но при этом помнить: у него, Александра Первенцева, есть еще и своя собственная игра. Стратегия».

Александр Мазин

Игры викингов

Глава первая

Игровая зона «Мидгард». Александр Первенцев. Проверка боем

– Сомкнись! – проревел Кетильфаст. Строй хирдманов, все сорок восемь бойцов, разом рухнули на колени, щит к щиту. Ну не то чтобы совсем разом. С десятков новичков потеряли секунду, а то и две, за что и были названы поименно. С уточнением родословной, причем происхождение от плешивой однорогой козы можно было считать элитным.

Санёк, еще вчера «титурованный» потомком сухопутной тюленихи и ледащего глухонемого трэля, ухмыльнулся. Недолгой практики в «учебке» Мертвого Деда хватило для обретения базовых навыков работы строем. Оставалось только отшлифовать.

Да и со всеми прочими бойцовскими практиками у Санька дело обстояло неплохо. Для новичка, разумеется. А с фехтованием и стрельбой из лука – так и совсем хорошо. Опять-таки для новичка. Сам Кетильфаст похвалил и прочим в пример поставил: мол, кое-кто зимой баб валял да брюхо набивал, а Сандар, сразу видать, в поте лица воинскую пляску осваивал. Вон как за зиму поднялся. Еще чуток – и потянет на полноценного дренга, то бишь младшего бойца ярловой дружины. Поверил, значит. Если бы не предупреждение Сергея Сигара (он же – игрок по прозвищу Лис), Санёк мог бы угодить в очень неприятную историю.

Однако весной, «войдя» в Игру, он не двинул сразу в ярлов городок, а проведал соседа Гагара-бонда и узнал: Кетильфаст трижды навещался в избу Ободранного, в которой, по официальной версии, должен был зимовать Санёк с «женой», в роли которой выступала Алёна. В первый визит Гагар Санька «прикрыл». В благодарность за вылеченного Алёной сына. Но позже Гагар вынужден был признаться, что уже давно не видал ни соседа, ни его жену-лекарку, ни самого хозяина избы, словенского «вольнотпущенника» по кличке Ободранный. И хорошо, что не видел, ибо это означало: Ободранный восстал из мертвых, а это уже перебор. Саньку и один-то раз еле-еле удалось его прикончить.

Предупрежденный загодя, Санёк явился к ярлу Хрогниру по прозвищу Хитрец с готовой легендой. И изложил ее достаточно бойко.

Однако до эпохи джентльменов было еще далеко, и на слово ему не поверили. Хрогнир, Кетильфаст и еще один мужик по имени Грейпюр устроили Саньку форменный допрос, на котором он выглядел не слишком убедительно. Мямлил, бормотал «не помню», «не знаю», в лучшем случае «шел по солнцу, от людей таясь». Сводя всё к версии: мол, путь их пролегал в зимнем мраке, но закончился где надо. То есть дома. И вернулся он тоже вовремя. И возвращался по той же схеме: то есть на глаза никому не попадаясь, так что свидетелей его путешествия в ближайших окрестностях быть не может.

На вопрос, зачем Сандару, сыну Бергсона, прятаться от честных скандинавских парней, если теперь он не какой-нибудь словенский бродяга, а кандидат в дренги самого Хрогнира-ярла, Санёк, потупя глаза, говорил: из осторожности. Мол, никаких доказательств того, что он – человек Хрогнира, при себе нет, здесь, на земле фьордов, его никто не знает, а потому...

В общем, понятно. Народ-то суровый: сначала убьют, а потом уж станут выяснять, кого. Или – не станут. Оружие у Сандара доброе, кошель не пустой. Тем более не один он шел, а с женщиной...

Впрочем, с одним ответом Санёк угадал. Когда на вопрос, за каким таким хреном он поперся в долгое и опасное зимнее путешествие, да еще с бабой, объяснил, что, мол, желал усовершенствовать свое воинское искусство, дабы не опозорить себя и род в будущем вике. А поскольку от тренировок в команде ярла он, Сандар, был отлучен, то оставался единственный вариант: Сандаров дядька Стейн Желтая Борода – большой мастер в деле укокошивания ближних. Вот с ним Санёк и занимался.

– Да ну? – ухмыльнулся Кетильфаст. – И многому выучился?

– А ты проверь! – нахально заявил Санёк.

И немедленно оказался в круге.

Но не с Кетильфастом, а с носатым плечистым парнем с белесым пушком вместо бороды. Звали соперника Фристейн, что означало: «Камень Фрейра». Фрейр числился одним из местных богов, покровителем плодородия кажется. Коли так, то нос Фристейна вполне мог бы сойти за лемех плуга.

«Ассистенты» старательно замотали тряпками мечи поединщиков, выдали каждому по щиту и скомандовали: «Бой».

Санёк, не зная тактико-технических характеристик противника, сначала повел себя осторожно.

А вот Фристейн – нет. Полез нахрапом... И моментально получил по башне. И по ляжке. И еще схлопотал бы, не останови ярл поединок.

– Славно! – одобрил Кетильфаст. – Кажись, не соврал парень, зиму не в праздности провел.

– Гр-рм, – прочистил горло ярл. – Дахи!

– Я, вождь, – отозвался немолодой, поджарый викинг с коротко остриженной пегой бородой.

– Спляши, Дахи, с племянником Стейна Желтобородого. Да! А по-вашему дядьку твоего как зовут? – и прищурился пытливо. Хитрец, блин.

– Твердила Старый, – отчеканил по-русски Санёк. К этому вопросу он был готов, естественно.

– Знаешь такого, Дахи?

– Не слыхал, – качнул головой викинг. И, Саньку, по-русски: – Ты чьих будешь, отрок?

– Кривичи мы, – эту часть легенды Санёк тоже подготовил. Почитал нужную инфу в миру, проконсультировался и в учебке с мастером адаптации. – Санькой меня зовут. По-нашему.

– Меня – Даньшей, – представился викинг. – Но ты Дахи зови. По-здешнему. Привык я. Давно здесь.

– А дома родня – что? – спросил Санёк. Он знал, что род для здешних – это свято.

– А нет у меня родни, кроме вот их, – кивок в сторону ярла. – Убили всех. Ливы.

– Отомстил? – деловито поинтересовался Санёк.

Дахи ухмыльнулся, показав дефицит передних зубов:

– Батька Хрогнира прежде меня успел. Потому и служить ему стал. И роду его. Хирду то есть. – И, потянув из ножен меч: – Ну что, пляшем, отрок Санька? Да тряпки с клинка сними, пусть споет железо!

И железо спело.

Уровень Дахи-Даньши оказался настолько же выше Санькиного, насколько он сам превосходил предыдущего противника. То есть – радикально. Однако, в отличие от Санька, Дахи торопиться не стал: дал тестируемому возможность показать себя: поиграть железом так и этак, опробовать десяток-другой приемов, попытаться вскрыть оборону противника, пофинтить, пощупать Дахи и клинком, и щитом. «Сплясать», как поэтично выразился Хрогнир-ярл.

И народу танец понравился. Во всяком случае подбадривали Санька активно. Дахи – нет. Может, не очень-то любили его в хирде, а может, слишком уж заметна была разница в классе и то, что Дахи почти не атакует.

Шоу длилось минут десять. Санёк даже запыхался слегка. Потом ярл скомандовал:

– Дахи, проснись!

И Дахи «проснулся». Бросил щит вверх, опередив замах Санька, хлестнул по ногам.

Санёк почувал атаку и успел уронить щит... Открыв голову. И получил по шлему так, что звон пошел. А ведь бил Дахи не в полную силу и плоской стороной клинка. Пожалел. Это понятно. Не понятно, как его меч, долю секунды назад бывший снизу, вдруг материализовался на полтора метра выше.

Как выяснилось позже – никакого колдовства. Обычный финт. Вот только освоить его у Санька никак не получалось. Скорости не хватало. А вернее, умения.

Один удар – и действительное место в боевой иерархии хирда определено: в команде молодых неумех.

Впрочем, и ярл, и Кетильфаст результаты поединка оценили позитивно. Для Санька.

Вслед за ними слово взял высокий викинг с волосами и бородой, заплетенными в косички, и тоже Санька одобрил. Как позже выяснилось, викинга звали Торд Сниллинг, и был он скальдом. И не просто скальдом, а очень уважаемым в хирде человеком. Ярл прислушивался к нему не меньше, чем к Кетильфасту.

– В этом парнишке – хорошая кровь, – провозгласил скальд. – И он не так прост, как кажется. Нам он пригодится.

Санёк возрадовался, подумав, что решение по его персоне принято.

Особенно когда Кетильфаст привел Санька в пример всяким бездельникам, которые потратили зиму на то, чтобы жрать да валять девок.

А ярл проронил скупо:

– Будешь – дренг. Не сыть воронья.

Как позже объяснил Саньку тот же Дахи, это означало, что ярл взял бы Санька в команду не только в нынешние неудачные для хирда времена, но и тогда, когда гребцов на румах драккара было в достатке.

Однако радовался Санёк преждевременно. Ярлово «будешь» не значило – «есть». Хрогнир лишь одобрил кандидата. Главные испытания были впереди.

Глава вторая

Игровая зона «Мидгард». Александр Первенцев. Дренг ярла Хрогнира

Процесс торжественного вступления в хирд начался с обсуждения кандидатуры нового брата по оружию.

И первый заданный ярлом вопрос был адресован не Саньку, а обществу.

Что думает хирд по поводу кандидата? Может, кто-то знает факты, порочащие Сандара, сына Берга?

Один «знающий» точно был. Хускарл, то бишь авторитетный боец Хрогнира-ярла Сигар Лис, а по совместительству – игрок первого уровня Сергей Сигар. Уж ему-то было отлично известно, кто коварно убил уважаемого воина Гимли Мешок Пальцев и похитил всю летнюю добычу. И кого ярлов хирд прошлым летом гонял по окрестным горам.

В этой неудачной (с позиции викингов) гонке погибли еще несколько храбрых и уважаемых воинов.

Узнай обо всем этом будущие товарищи Санька по оружию, смерть стала бы долгой и чрезвычайно неприятной.

А ведь то были далеко не все подвиги на ниве сокращения численности Хрогнировых бойцов.

А узнай они о том, что не безумные берсерки, а именно он, Санёк, той же осенью грабанул ярлову сокровищницу...

Впрочем, умереть в страшных мучениях даже в Игре можно было всего лишь один раз, так что и первого обвинения, будь оно произнесено, хватило бы с лихвой.

Но Сергей Сигар, как и следовало ожидать, помалкивал.

Зато взял слово другой персонаж. Хольд, то бишь – особо продвинутый воин-хускарл ярловой дружины, принимавший участие в первичном допросе Санька.

Грейпюр Крикун. Третий или четвертый в иерархии наиболее уважаемых бойцов Хрогнира и очень неприятный человек. Очень. Взгляд у Грейпюра...

Так, наверное, мясник изучает свинью, решая, какая часть на что пойдет.

«Неужели он меня опознал?» – напрягся Санёк.

– Говори, Грейпюр, – поощрил ярл. – Что ты знаешь о Сандаре, сыне Берга?

Минута.

Грейпюр молчал.

Хирдманы тоже. Ждали.

Грейпюр препарировал Санька. Пока – только взглядом.

Тот крепился. Старался держаться уверенно.

Знает или не знает? Если бы знал, наверняка сказал бы сразу. Викинги – народ прямой. В большинстве. Но этот... Этот от других отличается. Этот – какая-то особенная сволочь. Ишь как губу кривит... Словно волчара скалится. Хотя нет, больше на кота похож. Подлого матерого кошака, который сидит где-нибудь на шкафу, ожидая пока ничего не подозревающий гость подойдет поближе, а потом – прыг на голову, рванет когтями – и обратно на шкаф... Кошак, с которым и хозяева-то ничего поделаться не могут, потому что он сам и есть в доме хозяин...

Не в этом доме.

– Говори, Грейпюр, – недовольно произнес Хрогнир Хитрец. – Что ты знаешь?

Последний укол прищуренных глаз...

И хольд повернулся к ярлу.

– Я знаю то, что он мне не нравится, – процедил Грейпюр сквозь зубы.

– Что тебе не нравится в нем, Крикун? – спросил ярл очень серьезно.

Санёк почувствовал нехорошее. Понял, что даже ничем не подкрепленное подозрение Грейпюра важно для ярла. И его одного хватит, чтобы кандидатуру Санька завернуть... И не просто завернуть, а как выясняется...

– Дай мне его, ярл, – процедил хольд, вновь упирая в Санька сканирующий прищур. – Дай его мне – и еще до рассвета я отвечу на твой вопрос. А может быть... – Grimаса презрения исказила лицо викинга. Похоже, Грейпюр почувствовал страх Санька: —...и до заката.

– Все бы тебе кишки мотать, Крикун! Что своим, что чужим!

Это Дахи. Очень вовремя. Грейпюр отвлекся, Санёк выдохнул. Оказывается, все это время он стоял не дыша.

– Держишь за брата-словенина? – бросил Грейпюр. – Тебе он – свой, да?

Санёк заметил, как напрягся Дахи. Черт! Он ведь тоже боится этого хольда...

– В твоих лапах, Грейпюр, всякий любую вину признает, – произнес Дахи почти примирительно. – Что было и чего не было...

Самодовольная усмешка еще больше скривила губы Грейпюра. Слова Дахи ему польстили.

«Сволочь, – подумал Санёк. – Зверюга подлая. Прирезать бы тебя...»

Мечтать не вредно.

– Я бы позволил тебе, Грейпюр, поспрашивать новичка, – спокойно произнес ярл, – да после твоих вопросов польза от него будет только воронам, а мне нужны дренги, которым я могу дать весла. Этот кажется мне подходящим. Есть у тебя что-то посущественней подозрений?

- Мои подозрения всегда существенны, - ответил Грейпюр. - Ты знаешь, ярл...

Хрогнир заколебался...

Блин! Неужели ярл отдаст Санька этой кровожадной сволочи?

И тут вмешался Кетильфаст:

- Не много ли ты возомнил о себе, Крикун? Ставишь себя повыше богов, да?

Санёк почувствовал: Кетильфаст недолюбливает Грейпюра. Но в отличие от Дахи - не боится.

- При чем тут боги? - возразил Грейпюр. - Это людское дело.

- Хочешь сказать, что боги более не покровительствуют нашему ярлу? - поинтересовался Кетильфаст. - Что богам всё равно, кто станет ему служить?

- Благодарю тебя, кормчий, за напоминание, - кивнул Кетильфасту ярл. - Я услышал тебя. Если Сандар не годен, он не пройдет испытания. Боги его отвергнут. Так что можешь не тревожиться.

- Но я чую в нем гниль! - продолжал настаивать Грейпюр. - Дай его мне, ярл!

- Уймись, - с легким раздражением проговорил Хрогнир.

Он принял решение.

- Боги позаботятся о моем хирде. Или ты думаешь, что они лишили меня покровительства?

Санёк видел, что Грейпюру очень хочется сказать: да. Но он не рискнул. Хотя брошенный на Санька взгляд обещал: только оступись - и тебе конец.

- Кто еще хочет сказать о Сандаре? - поинтересовался Хрогнир.

Больше желающих не оказалось.

Когда Санёк появился здесь первый раз, он назвался простым парнем из Гардарики, чей дядька и воспитатель звался среди викингов Свенон Желтобородым, который когда-то неплохо порезвился в дружной компании скандинавских искателей приключений. Имя было выбрано не случайно. Свенон здесь больше, чем Петров в России. И желтобородых, что характерно, большинство. Это объясняло и знание Саньком языка, и его желание присоединиться к братству викингов. Не будь у Хрогнира нынче таких проблем с личным составом, Саньку бы, скорее всего, отказали в допуске к экзаменам. Но теперь, поскольку отводов его кандидатуре никто более дать не пытался, обряд приема в морские разбойники начался. В экзамен на годность в викинги входил пакет многочисленных клятв и действий ритуального характера, как то: примерка ритуальной обуви (вслед за ярлом), коллективное пролитие крови на землю (несколько бойцов подняли предварительно подрезанный дерн, а потом вернули его на место), принятие и возвращение оружия, омовение и питье из общего тазика (не стошнило, ура!), принесение жертв самым уважаемым богам скандинавского пантеона и многое другое. Когда же первый этап процедуры завершился, наступила очередь второго, самого главного, который торжественно именовался «испытанием богов».

И по этому поводу все храбрые парни взяли Санька под белые ручки, погрузились на корабль и двинули к острову Бездны.

Остров сей Саньку был уже знаком. Именно здесь они с Алёной и старинным другом Серёгой Кожиным вошли в тьюториал «Волки Одина». Именно здесь Серёгу и убили.

Санёк отлично помнил ту ночь. Во всех деталях. Как на них напали двое викингов. Драка в темноте, когда ему повезло. Он остался жив, а его враг – нет. Вдвойне повезло, потому что ему достался племянник, а не дядя, хольд Торстейн.

Он помнил, как изумился, узнав, что Серёга жив, а Торстейн умирает непонятно от чего. Помнил удары кресала о камень, когда Алёна пыталась зажечь огонь, бульканье умирающего Торстейна, которому Санёк вложил в руку меч... И как вырвал этот меч, когда услышал за спиной жуткий хрип. И тут затеплился мох, и в этом слабом свете Санёк увидел хрипящего Серёгу. И никаких врагов. И как Серёга содрогнулся и замер. А огонек угас. А свет звезд вдруг потускнел – на

миг, не больше, будто заслоненный серебристым стрекозиным крылом.

А потом они с Алёной похоронили Серёгу. И это было единственное понятное действие. И никто, даже эксперт четвертого уровня не смог объяснить, каким образом новичок Сергей Кожин убил крутейшего викинга Торстейна – хольда, который не то что таких, как новичок Серёга, а даже таких, как его тезка Лис, столовой ложкой на завтрак кушал. И кто потом убил самого новичка, нарушив тем самым базовое правило Стратегии: «новичков не убивают», Санёк тоже так и не узнал.

И это мучило, ведь именно Санёк ввел друга в Стратегию и по всем понятиям отвечал за его смерть. И не забудет о ней. Никогда. А это значит: рано или поздно он узнает, кто убил друга. Узнает и накажет. Ведь если вернуть Серёгу к жизни невозможно даже в Стратегии (во всяком случае, Санёк не слышал ни о чем подобном), то отомстить убийцам – нормальная реальность Большой Игры. Все, что требуется: сила и знания. И они будут расти, по мере того как Санёк будет подниматься в игровой иерархии. Как там говорил Мертвый Дед? Лучший воин – это лучший убийца, а лучшие убийцы – это те, к кому Санёк нынче намерен присоединиться. Викинги.

Но, учитывая, что все непонятные события произошли на том самом острове, куда сейчас везли Санька для завершения вступительных экзаменов в морские грабители, ему следовало быть начеку. Впрочем, как и обычно.

Еще по дороге Саньку поведали, что на острове находится некое эксклюзивное святилище, в честь которого остров и был назван. В этом святилище находилось то, что местные поэтично называли «щелью между мирами».

И, судя по описанию, в святилище этом Санёк уже побывал. Это был именно тот сарай с вонючей лужей посередине, в которую едва не уволокло Серёгу.

Так и оказалось. Та самая сараюха. Именно в ней Санёк и должен был пройти то великое испытание, которое Кетильфаст торжественно поименовал «проверкой богов».

Ну-ну.

Санька завели внутрь неказистого сооружения и, забрав все оружие, кроме ножа, оставили наедине со «щелью» – лужей из непросыхающей и дурнопахнущей жижи и здоровенным обугленным пнем.

– Здесь, – указав на пенек, торжественно заявил Хрогнир-ярл, – когда-то восседал сам О?дин!

О?дин – это серьезно. Одноглазый глава местного божественного пантеона – персонаж суровый, самоотверженный (глаз на мудрость обменял в свое время) и жестокий.

Например, «посвятить победу одному», по словам мастера адаптации Феодора Герца, означало не только порубить до смерти всех врагов, но и тем или иным способом уничтожить, например утопить, всю добычу. Что в понимании викингов – почти на грани безумия.

Отчасти поэтому многие предпочитали хитроумному О?дину простодушного здоровяка Тора, который всегда действовал прямолинейно и решительно: хлобысь летающим молотком по голове – и нет проблемы. Головы – тоже.

Тем не менее Хрогнир ориентировался на О?дина. Однозначно. Как позже узнал Санёк, что-то такое было у его предков с этим богом. Даже не с самим богом, а с его ездовым животным: восьминогим жеребцом Слейпниром. Если Санёк ничего не напутал, то вроде как этот конь тоже числился в предках ярла. Чем тут гордиться, Санёк решительно не понимал. В чистом виде зоофилия. Стоило бы при случае расспросить Сергея Лиса. Если удастся пережить сегодняшнюю ночь.

Скорее всего – удастся. Никакой реальной угрозы от грязевой лужи и горелого пня Санёк не ощущал. Во всяком случае, в сравнении с той опасностью, которая исходила от Грейпюра Крикуна. Пусть он и разделил с Саньком землю и кровь, как и все хирдманы, но – не поверил. Санёк не раз ловил скептический взгляд хольда и без труда считывал его мысленный посыл: «Дай срок, парень, и я до тебя доберусь!»

Глава третья

Игровая зона «Мидгард». Александр Первенцев. Щель миров

В сарае было сумеречно, сыро и смрадно.

Провести здесь остаток вечера и ночь – удовольствие еще то. Вдобавок – без еды и питья. Впрочем, голода Санёк не испытывал: накушался и напился во время предыдущих действий. К тому же «щель миров» источала такое амбре, что аппетит отшибало начисто. Смрад забивал даже вонь лампы – опущенного в плошку с жиром фитиля.

«Щель между мирами». Интересно, как это понимать? Может, здесь выход на второй уровень Игры?

Санёк подошел поближе. Осторожно. Ведь в эту самую «щель» едва не уволокло когда-то Серёгу Кожина – Санёк с Алёной вдвоем тогда еле его удержали.

Сейчас никакой волшебной тяги в ароматное миниболотце не было. Во всяком случае – для Санька.

Жижка побулькивала. Если это – выход на другой уровень, то его создатель обладает недурным чувством юмора. Для какого-нибудь голливудского боевика. Мол, пойдём как обычно – через канализацию.

Нырнуть, что ли? А если там, в жижке, обитает чудовище? С зубастыми щупальцами?

Санёк хохотнул. Зубастые щупальца – это тоже из блокбастеров.

Хотя... Вполне можно допустить, что в «щель» спихивают людишек и там, под жижкой, полно трупов. Запах, кстати, весьма характерный. С другой стороны, если ты хочешь замаскировать вход, чтобы всякие не совались, вполне разумно сделать его максимально непривлекательным. Вроде загаженной кабинки в сортире. Опять-таки, зачем-то его сюда запихнули...

На второй уровень – хотелось. Вопросы-то накопились. Вот только нырять в грязь, внешне напоминающую отходы человеческой жизнедеятельности и благоухающую изрядно подтухшим мясом... Ну как-то не тянуло. Тем более что

нет никаких гарантий перехода.

Щель, значит. Между мирами. А что у нас там, за жидкой кучкой-вонючкой?

А там – пенек. Обгорелый. Средних размеров. С виду – ничего особенного.

А если подойти поближе?

Санёк отступил на пару шагов и с короткого разбега перемахнул через лужу. Успешно. То есть никаких зубастых щупалец, хватающих за штаны.

Вблизи пенек выглядел не лучше, чем издали. Правда, насчет обгорелости тут же возникли сомнения. Глянцевый отблеск больше напоминал смолу, а не сгоревшую древесину. Санёк не удержался: дотронулся...

Никакой реакции. Если не считать того, что вонь стала слабее. Или он принюхался?

Мига, когда пень «превратился», Санёк не уловил. Раз – и вместо пенька перед ним – человек. Точнее, Существо. Макушкой Саньку по плечо. А рука Санька лежит теперь не на пеньке, а аккуратно на круглой черной шапочке, надетой на массивную голову с торчащей во все стороны спутанной гривой и такой же кудлатой бородой. А головы ниже – соответствующих габаритов туловище. Размер под шестидесятый. Этаким человек-кубышка.

Прежде чем Санёк осмыслил произошедшее, голова пришла в движение, запрокинулась, сбрасывая Санькину руку, в могучей бороде открылась дыра, обрамленная крупными кривыми зубами.

– Ам! – изрекла дыра.

Трудно сказать, чем бы все кончилось, если бы коротышке удалось цапнуть. Но Санёк успел отдернуть руку. И не только отдернуть, а рефлекторно вцепиться в шерсть, жесткую, как у зубробизона.

А вторая рука, тоже без участия Санькиного сознания, уже нацелила в район предполагаемой шеи выдернутый из чехла нож.

– Ить, сразу железом грозить, – сварливо проворчал человек-кубышка. Кожа его была черной, как смола, а упрятанные под мохнатые брови глазки – сплошной синевы. – Экий ты быстрый! Чё, золота хочешь, да?

– Обойдусь я без твоего золота, – пробормотал Санёк. – Своего хватает...

Он понятия не имел, что делать дальше.

Цап!

Левая рука Санька угодила в стальной капкан. Коротышка мотнул головой, и спутанные космы высвободились, едва не переломав Саньку пальцы, а правая рука кандидата в хирдманы оказалась в таком же медвежьем хвате, что и левая. Силища у «кубышки» была громадная.

– Чужак, – пророкотал «пенек». – Зачем ты – в Срединном мире?

– Да вот... пришел, – осторожно ответил Санёк. Сути вопроса он не понял, но зато отчетливо осознавал: стоит коротышке сжать пальцы – и захрустят Санькины косточки.

– Пришел, значит... Совсем как я! Может, ты тоже – альв?

И загудел-загрохотал.

Так мог бы смеяться орангутанг, посаженный в пивную бочку.

Что бы ни развеселило коротышку, но результат оказался положительным, потому что стальные захваты разжались и руки Санька оказались на свободе.

Чем он немедленно воспользовался, аккуратно вернув нож: в чехол и принявшись растирать запястья.

Затем извлек из памяти уроки мастера знаний и спросил:

– А ты, значит, альв?

– Ага, – охотно согласился коротышка. И уточнил: – Из свартальвов я, из тех, кого невежественные цвергами именуют. Но я этого не люблю!

– И как же тебя зовут, уважаемый свартальв? – поинтересовался Санёк.

– А ты хитрец, малый! – Коротышка потряс коротким черным пальцем. – Хочешь власть надо мной занять? А не говорили тебе, лукавый пришлец, что власть над свартальвом – это как Фафнира за челюсть ухватить?

– Ничего мне не говорили, – пробормотал Санёк. Речь коротышки была ему понятна. В принципе. Но смысл почему-то ускользал. – Просто хочу знать, как к тебе обращаться.

– Хозяин, – предложил коротышка с интонацией, в которой Санёк сразу учуял подвох. – Именуй меня – хозяин, если хочешь.

– Не хочу, – отказался Санёк. – Пусть будет «господин свартальв». А ты меня зови...

– А я тебя звать не собираюсь, – недовольно буркнул коротышка. – Вот еще: звать того, кто солнечный камень на груди греет. (Это он об эвакуаторе, сообразил Санёк.) Говори, чего тебе надо, – и я пошел. Неуютно мне здесь.

– А у меня к тебе вопросов нет! – нахально заявил Санёк.

– А вот врать не надо! – Сердито проворчал коротышка. – Осерчаю – обижу!

– А я и не вру!

– А вот и врешь! Не было б вопроса, я б не пришел. Говори, смертный, чего знать желаешь и чем намерен заплатить, да и закончим дело!

Санёк задумался. Потом сообразил: Серёга!

- Я спрошу, - сказал он. - А заплатить могу золотом, если пожелаешь.

- На что мне золото? - удивился коротышка. - Совсем ты глуп, смертный. Я же свартальв. О цене потом поговорим. Когда я вопрос услышу и цену ответа пойму.

- Идет. А вопрос у меня такой: моего друга полгода назад убили на этом самом острове. А перед тем он сам убил одного... викинга. Очень сильного викинга. И убил его... ну колдовством, по-вашему. А хочу я знать, почему убили моего друга, каким колдовством он убил викинга и откуда у него это колдовство взялось, потому что раньше ничего подобного за ним не замечалось.

- Целых три вопроса! - оживился коротышка. - А говорил: знать ничего не хочешь! Ну и зачем тебе всё это знать? Небось отомстить хочешь?

- Может быть.

- И в этом могу помочь, - предложил свартальв. - В мести я мастак. Но недешево стоить будет. Ой недешево!

- Давай пока с вопросов, - сказал Санёк. - А дальше - поглядим.

- Поглядим, значит? - Коротышка хихикнул. - Ути какие мы оптимисты!

- Чего?

Слово «оптимизм» как-то не коррелировало с внешностью свартальва.

- Того! С какого начнем?

- С какого - что?

- Вопросы, дурень!

– С первого, – ответил Санёк. – Почему убили моего друга. И давай говори цену. А то вдруг я не потяну.

– Как я тебе цену скажу, если пока что ответа не знаю, – возразил коротышка. – Вот медку хлебну... – Он извлек откуда-то из глубин просторной одежды блеснувшую золотом флягу, приложился, причмокнул: – Добрый мёд! – потом зажмурился...

И тут же открыл глаза. Не просто открыл – выпучил:

– Ах ты паскудный гармов щенок! Обмануть меня вздумал?! С Высшими рассорить? Да я тебя ныне же в мелкий фарш порублю!

Здоровенный черный топор сам собой возник в лапе коротышки. Однако рубить обидчика он почему-то не спешил. И Санёк тоже ничего не предпринимал. С ножом против топора, учитывая недетскую силу противника... Существуют более приятные способы самоубийства.

Так они постояли с полминуты, потом коротышка остыл. Спрятал топор, пробормотав что-то вроде: «тебя убивать – себе дороже». Затем помолчал еще и заявил:

– На вопросы твои отвечать не буду, ибо ответы на них слышать тебе заповедано. А чтоб отпустить ты меня мог невозбранно, я скажу про другой вопрос. Ты не спросил, но ответ сей тебе пригодится. – И, опережая возражения, заверил: – Отвечу и платы не возьму. Пусть это будет от меня подарком!

– Подарок – это хорошо, – проговорил Санёк. И, вспомнив про бесплатный сыр и мышеловку, уточнил: – Только ты поклянись, уважаемый свартальв, что не будет мне от твоего подарка никакого вреда, а то знаю я...

– Знает он! – перебил коротышка. – Чего тут знать! По собственной воле и без принуждения дарю тебе ответ, сам же слышал! Без подвоха, значит. А ответ такой: чтобы узреть незримое, ты, смертный, должен потерять друга, убить врага и услышать бога.

– И что это значит? – опешил Санёк.

– А то и значит, – ухмыльнулся коротышка. – Я сказал, ты услышал. И век тебя не видать!

Санёк моргнул. Коротышки не стало. Имелся глянцево поблескивающий пенек. Нет, не совсем пенек. Деревянный статуя человека. Очень примитивный. Вот, значит, о каких богах говорили ярл с Кетильфастом. В задницу таких богов!

Санёк подавил нездоровый импульс: поковырять человека-пенька ножиком. Например, нацарапать на глянцевой поверхности что-то типа: «Здесь был Александр Первенцев».

Ладно, не пришиб его черный уродец – и пес с ним!

Санёк перемахнул через «щель», обследовал внутренности сарая.

Нашел нужное: охапку соломы. Тяжелый был день, а что его ждет завтра – неясно.

Как там учил Фёдрыч? Боец ест, когда есть еда, и спит во всех остальных случаях, если нет приказа бодрствовать.

А Фёдрычу в таких делах доверять – следовало. Кому ж еще, если не матерому офицеру спецназа, сумевшему выжить в дюжине локальных войн и отнять у Хрогнира-ярла и его парней трофеи целого похода. И не так, как Санёк прошлым летом обобрал ярлову сокровищницу, а можно сказать – на глазах у целого хирда. Отнять и вынести из Игровой зоны. Жаль только, что Фёдрыч позабыл о том, что надо продержаться трое суток, вышел чуток пораньше и не получил статуса. Зато взятые им трофеи были конвертированы в евро и стали финансовой основой центра, в котором Фёдрыч обучал народ выживанию в экстремальных условиях, а Санька пристроил на непыльную работенку инструктора по холодному оружию. И Санёк честно инструктировал, попутно сам обучаясь использованию оружия огнестрельного и другим полезным вещам у бывшего майора спецподразделения «Меч» Никиты Федорова. А поучиться у Фёдрыча было чему. И он очень много хорошего принес Саньку. Начиная с того, что именно Фёдрыч пригласил Саньку принять участие в Игре. Правда, на тот момент сам Никита Федоров понятия не имел о том, что такое Стратегия, а оплатил участие Санька его кореш и тогдашний хозяин банкир Гучко. Но с Гучко Санёк рассчитался сполна. Да и не был тот ему особо симпатичен. Банкир и

бывший бандос. Этим все сказано. А вот Фёдрыч – мужик замечательный. И потому особенно обидно, что Санёк его подставил. А ведь подставил. Факт. И все потому же. Хотел узнать, кто виновен в смерти Серёги Кожина. И решил тряхануть тех, кто, как он полагал, может что-то знать. Игроков-искателей, устроивших на Серёгу охоту еще в миру.

Тряханул. Да так, что почти прижатый к ногтю искатель вынужден был сигануть в окно вместе со стулом, к которому был привязан. А когда Санёк прыгнул следом...

Словом, сбежал от них игрок-искатель (в миру – врач-травматолог) Николай Двина. А сбежав, поступил не как игрок, а как самый обычный гражданин. То есть накатал заявление в полицию.

* * *

Представители власти заявили в Фёдрычев подготовительный центр через три часа после того, как Санёк огреб по голове от беглого искателя. Как раз перед обедом. Уже с постановлением на обыск и прочими бумагами.

Построили всех вдоль стеночки, перерыли центр снизу доверху, забрали компы, бухгалтерскую документацию, Санька, полдюжины учеников и, разумеется, самого Фёдрыча, лишив последнего даже законного права на «звонок другу».

– Никому ничего не говорить! – успел скомандовать Фёдрыч перед погрузкой.

Никто ничего и не сказал, потому что допросить их просто не успели. Кто-то из оставшихся на воле учеников подсуетился и позвонил куда следовало, так что на выручку примчался аж начальник райотдела МВД, на «земле» которого базировался Фёдрыч. И вместе с начальником – парочка прикормленных адвокатов. А потом к делу подключился банкир Гучко, и разборка перешла на уровень политический. Судьбой патриотически ориентированных наставников молодежи озаботился депутат ЗАКСа от КПРФ. И еще один – от единокороссов.

В общем, через полчаса всех задержанных отпустили, оставив для вдумчивого общения исключительно господ адвокатов, в умелых руках которых дело о разбойном нападении на Фомченко Николая Васильевича (он же – игрок второго

уровня Николай Двина) превратилось в драку на бытовой почве между г. Фомченко и г. Первенцевым, в результате которой оба получили телесные повреждения средней тяжести и претензий друг к другу не имеют.

А как иначе? Свидетелей того, что происходило в квартире Двины, когда хозяина под угрозой пыток вынуждали к выдаче служебной (то бишь – игровой) информации, не имелось, если не считать потерпевшего и вынуждающих. Зато есть бабка, которая видела, как Фомченко выпал из окна, а следом за ним спрыгнул Санёк... И получил от потерпевшего по голове.

В общем, забрал Фомченко Н. В. свое заявление, мрачно пообещал познакомить Санька с истинным обликом кузькиной матери и убыл по месту проживания.

А вот с изъятыми из центра имуществом и документами всё оказалось не так просто.

Их пришлось у правоохранителей выкупать. И за сумму весьма значительную.

Санёк предложил оплатить всё, но Фёдрыч согласился только на половину. Он был огорчен не столько потерей денег, сколько тем, что привлек внимание.

«Повадился медведь за медом, теперь не отвяжется, – мрачно спрогнозировал бывший майор спецназа. – А главное: всё зря. Ничего путного мы у этого доктора не узнали. О том, что есть такие парни, которые следят, чтоб сюда ничего из Игры не попадало, мы могли бы и догадаться. А про друга твоего он сам ни хрена не знает».

Фёдрыч был прав. Когда Серёга был еще жив, Санёк сумел выяснить, что ему встроили в руку какую-то хрень, с помощью которой он едва не прикончил еще в миру собственную подружку (чем и привлек внимание искателей), а в Игре сумел отправить на тот свет могучего Торстейна. Ничем другим объяснить смерть хольда было нельзя. А вот о том, кто и что конкретно встроил в Серёгину руку, да еще и не в Игре, а в миру, даже искатель Николай Двина не ведал. Они с напарником учуяли запрещенное воздействие (на это их и натаскивали), примчались разбираться...

И не справились. Подозреваемый смылся, применив неведомый запрещенный артефакт против искателей. Которых тоже очень заинтересовало, каким

образом игровой артефакт высокого (то есть точно выше второго) уровня оказался у парня, вообще не имеющего игрового статуса.

Двина и его напарник Сидор по прозвищу Черный Доктор занялись расследованием... И не преуспели.

Сначала им помешал Санёк, отказавшийся помогать. Что понятно: Санёк был уверен в том, что искатели намерены Кожина не задержать, а прикончить, и способствовать этому не собирался. А потом Серёга ушел в Стратегию, где официальные полномочия искателей кончались... Ушел и не вернулся.

Кстати, убивать искатели никого не собирались. Их задача: доставить нарушителя в соответствующее место, коим оказался один из офисов Стратегии в Санкт-Петербурге.

Вот такая грустная история.

Фёдрыч остался разруливать проблемы, а Санёк... А Санёк ушел в Игру. Один.

И даже на Свободе [1 - Свобода – свободная игровая территория Стратегии, она же – Рекреация.] не задержался – сразу двинул на Закрытую территорию «Мидгард». Учиться.

Глава четвертая

Закрытая территория Игровой зоны «Мидгард». Четырьмя месяцами ранее.
Александр Первенцев. Учебка

– Это что было? – спросил мастер оружия Скаур по прозвищу Мертвый Дед.

– Мой фирменный удар! – гордо заявил Санёк. – Красиво, да?

– Красиво, малыш, это когда твой враг кишки руками придерживает. А это, парень, не красиво. Это твоя смерть!

- Почему это? – возмутился Санёк. – Я ж тебя почти достал!

- Тебе мастер знаний никогда не говорил, что почти попал – значит промахнулся?

Санёк засопел. Спорить с мастером оружия не полагалось. Полагалось – внимать. Но, блин, красивый же удар. Такой роскошный мах! Вдобавок Санёк закрыт щитом до самой верхней позиции, а уж там его ловить – значит прямо подставиться под удар, который снесет полбашки.

- Повтори-ка еще раз, умник, – предложил Мертвый Дед.

Санёк повторил. Вернее, попытался, потому что мастер разрушил замечательный рисунок, среагировав на финт с оскорбительной медлительностью. И с той же неторопливостью ткнув Санька в ногу.

- Это раз, – с удовольствием отметил мастер. – Повтор!

Теперь Мертвый Дед вообще не стал реагировать на финт, а, соединив меч и щит, двинул Саньку навстречу, заблокировав связку в зародыше.

И так – дюжина повторов. И каждый раз мастер рвал рисунок по-новому. Но с неизменной эффективностью.

В последний раз он просто шагнул Саньку навстречу, вбив ему учебный меч в район печени, несмотря на то что меч Санька практически в ту же секунду обрушился Мертвому Деду на голову.

- Эй! – возмутился Санёк. – Я же вас убил!

- А я тебя! – ехидно заявил мастер оружия. – Устраивает?

- Нет! – буркнул Санёк.

Блин!

Санёк жил на Игровой территории в совокупности месяца полтора. Выходил время от времени – пообщаться с родней, провести десяток показательных поединков с учениками Фёдрыча, который сам всё никак не мог выбрать время для входа в Игру.

От корыстных следователей Фёдрыч в итоге отбил-откупился и даже перерегистровал свой центр выживания как Молодежную федерацию спортивноприкладных боевых искусств. В общем, процветал. Без всякой Стратегии. Набрал штат тренеров из коллег. Провел игру... Военно-спортивную, как она официально называлась. Получил грант от правительства СПб: на военно-патриотическое воспитание.

Причина столь резкой смены тематики подготовительного курса оказалась проста: Стратегия учеников Фёдрыча отторгла. Бывший майор на пробу отправил тройку бойцов в офис на Черной Речке...

И бойцы офиса не обнаружили.

Фёдрыч не поленился: съездил сам. Офис был на месте. Вежливый клерк Фёдрыча узнал и пригласил заходить еще. В составе тройки, разумеется, как и положено новичку.

Фёдрыч явился на следующий день. С парой бойцов...

И не нашел офиса Стратегии. Дверь была. И открывалась в нужную сторону. Но за ней оказалось обычное турагентство с девушками-менеджерами и стандартным набором услуг.

Как можно за сутки провести столь кардинальный ремонт (а главное – зачем), Фёдрыч представить не мог. И больше попыток не совершал. Решил дожидаться Санька.

А Санёк, в очередной раз появившись в миру, съездил на Черную Речку, расспросил Петра Третьего, несшего вахту в игровом офисе, и узнал то, о чем и раньше догадывался.

Попасть в Игру мог далеко не каждый. Более того, Стратегия частенько сама подбирала игроков, а те, кто ей не подходил, мистическим образом «не видели» офисных врат или, войдя, находили не то. Какую-нибудь фирму по доставке тюльпанов на кладбище.

Почему так, Петр разъяснить не стал. Отделался традиционным «не по уровню».

А от себя добавил:

– Не лезь не в свое дело, химера. На тебе еще претензия от искателей висит. Имей в виду и учти: у Коли Двины срок отработки искателем через месяц кончается. А он сильно обижен, а по ориентации он – техн. Чуешь, чем пахнет? И учти: техны обид не прощают. Так что – поберегись.

– Пусть он сам побережется, – буркнул Санёк. – Полезет – я его сам на органы разберу.

В Техномир входить Санёк не собирался, а на Свободе или в других зонах пусть рискнет здоровьем. У мертвяков за Санька вообще целый клан, а в Мидгарде... В Мидгарде он и сам за себя постоять может.

Но как бы не относился Санёк к искателям, а к решению проблем Фёдрыча разговор с Петром его не приблизил. Выходило, что, прежде чем брать человека в обучение, кандидата следовало испытать на «игропригодность».

А это резко сокращало количество клиентов. Итог: Фёдрыч решил сменить профориентацию. Ну а если окажется, что кто-то из его курсантов годен для Стратегии, тогда с ним – отдельно.

Зато Санёк без проблем ввел в Стратегию Гучко. Просто познакомил банкира с лидером Честных Чистильщиков Иваном Головой.

О чем терли банкир и Голова, Санёк не знал, да и не очень-то хотелось, но результат получился удовлетворительный. Голова получил какие-то неизвестные Саньку преференции в мире, а Гучко, бесплатно, – двух опытных игроков в тьюториальные проводники. Как и следовало ожидать – прохождение

тьюториала прошло успешно, и Гучко обрел вожделенный статус. И тут же занялся какими-то мутными делами на Свободе.

Санька, впрочем, это не касалось.

Глава пятая

Закрытая территория Игровой зоны «Мидгард». Двамя месяцами ранее.
Александр Первенцев. Мастер оружия и Сигар Лис

Каждый раз Санёк входил в учебку крутым игроком, химерой, победителем...

И спустя совсем немного времени чувствовал себя беспомощным и бестолковым новичком.

– А в миру мне сказали, что я фехтую на уровне первого разряда, – мрачно сообщил Санёк, потирая ребра, которым только что неслабо досталось. – Соврали, да?

– Ну почему же, – добродушно отозвался мастер оружия, проверяя, не слетела ли защитная накладка с учебного меча. – Может, и фехтуешь. Фехтование – это хорошо. Красиво. Спорт – это всегда хорошо. Для здоровья. В миру. – Мертвый Дед раскрутил учебный меч прозрачным веером, потом снова подергал накладку, не ослабла ли? И продолжал:

– А в Стратегии, игрок, для здоровья хорошо другое. Что?

– Свежий воздух? – предположил Санёк.

– Свежий воздух – тоже неплохо. Но не главное. В Стратегии хорошо, когда ты – жив. Потому что мертвому свежий воздух до фонаря. Более того, рядом с покойником воздух уже и не так свеж, верно? – Мертвый Дед хохотнул. – И какой вывод?

- Не дать себя убить? - предположил Санёк.

- Со всей очевидностью, - принял ответ мастер оружия. - А чтобы остаться в живых, мой спортивный друг, ты должен действовать не красиво, а как?

- Быстро? - попробовал угадать Санёк.

- Быстро - да. Но важнее - эффективно. Хотя... - Мертвый Дед задумался: - Красиво тоже не помешает. Тут - как в математике. Самое правильное, то бишь, самое эффективное решение - оно и есть самое красивое.

- О! - удивился Санёк. - Наш препод по анализу в Политехе тоже что-то такое вещал. Вы что, в университете учились?

Мертвый Дед хмыкнул:

- Я там преподавал, - сообщил он. - Математику.

- А почему бросили? - Санёк тоже раскрутил меч, проверяя, как работает зашибленная в недавнем спарринге кисть. Вроде нормально.

- Голодно в России математику, - сказал Мертвый Дед. - А я и не бросил, парень. Зачем бросать? Математик - не химик. Ему лаборатория не нужна. Моя лаборатория - здесь, - мастер оружия постучал по шлему. - Здесь же, кстати, и самая важная часть игрока, который намерен стать воином.

- Череп?

- Мозги! - И внезапным выпадом попытался достать подбородок Санька, но тот сбил атаку краем щита и так же, на рефлексе, не думая, уколол вразрез, под руку. И достал!

- Вот это другое дело! - обрадовался Мертвый Дед. - В бою думать не надо. В бою надо бить!

- А как же мозги? - подколот Санёк.

– А мозгами, парень, не думают. Мозгами – понимают. А кто не понимает, тому придется ими пораскинуть. По травке!

Учебный меч лязгнул о шлем Санька. Голова мотнулась. Санёк отступил на шаг... Толчок ногой в щит – Санька приложило о стену. Удар по бедру, от которого нога тут же онемела. Удар плоской стороной меча по щеке. Бо-ольно!

– Ты заснул? – рявкнул Мертвый Дед. – Я тебя три раза убил! К бою, игрок!

Окрик оказался в тему. Внутри Санька что-то соединилось со щелчком, будто нужная деталь встала на место и замкнула боевой механизм.

Онемение ушло, боль ослабела и перестала иметь значение.

Между Саньком и Мертвым Дедом протянулись почти осязаемые нити, соединившие мастера и ученика в единое целое. Натянулись – и сразу напряглись, увязывая воедино каждое движение поединщиков.

Санёк оттолкнулся спиной от стены, шагнул вперед, сдвоив меч и щит, и Мертвый Дед, послушный общему рисунку боя, отступил, выискивая наилучшую дистанцию. Санёк не столько видел, столько чувствовал каждый сантиметр, отыгранный или проигранный им или мастером оружия. Почуял он и то, что Мертвый Дед сам атаковать больше не будет – уйдет в оборону.

И это сейчас правильно, потому что Санёк теперь быстрее, и выпад у него длиннее на пару сантиметров. А лишняя пара сантиметров в атаке – это чья-то жизнь или смерть...

Обо всём этом Санёк не думал. К мыслям это не имело отношения. Мысли – они слишком медленные.

Санёк просто понимал. Себя, мастера, оружие, поединок, пространство...

И метнулся вперед в единственно возможный, наилучший миг. Метнулся, уверенный в себе, в победе, в том, что непременно достанет...

Но не достал, а получил краем щита по голени и еще раз – мечом по ушибленным уже ребрам.

Оказалось, что натянутые между ними нити контролировал не Санёк, а Мертвый Дед. Чего и следовало ожидать.

– Довольно! – крикнул мастер оружия. – Бой окончен. – И похвалил неожиданно: – А последний твой ход был – ничего себе. Молодец!

– Ага, – согласился Санёк, привычно потирая бок – Моим ребрам особенно понравилось.

– А чего ты хотел? – усмехнулся Мертвый Дед. – Я – мастер все-таки. А ты пока что – щенок. Но щенок зуба-астый! Кстати, о зубах, – произнес он, заметив, что Санёк ощупывает челюсть, которой тоже досталось. – Ты не хочешь их в порядок привести, пока при деньгах? На Свободе мастер есть. Сделает тебе такие челюсти, что волк позавидует. А то, знаешь ли, в Мидгарде если и водятся стоматологи, то исключительно такие, что удаляют без наркоза.

Совет был принят. Санёк посетил диво-мастера, который облегчил счет Санька на тридцать тысяч единичек. Металлокерамика в миру стоила бы намного дешевле. Но мастер не коронки надевал, а что-то такое сделал с самими зубами, что они теперь были все – без пломб. И ими действительно можно было перекусывать всё что угодно. Лишь бы челюстные мышцы не подвели. Вдобавок пожизненная гарантия. Для игроков первого и второго уровней.

– А почему только – до второго? – поинтересовался Санёк.

– А на третьем тебе мои услуги не понадобятся, – сказал зубной мастер, который сам, что характерно, был игроком аж четвертого уровня.

– Стой, парень! Не узнаешь?

– Сергей! – Санёк обрадовался. Перед ним стоял викинг. Вернее, игрок, конечно. Но – викинг. Воин из дружины Хрогнира Хитреца. Сигар Лис.

- Пригласишь? – Сергей кивнул на свободное место рядом с Саньком.

- Само собой. Пить будешь?

- Полагаешь, я сюда чайку попить пришел, фехт? – усмехнулся игрок.

- Как знать, – в свою очередь улыбнулся Санёк. – Я вот просто поужинать. Но за компанию...

- Можешь звать меня Лисом, – сказал Сергей, опускаясь на скамью. – И здесь и там. – И погладил пальцем красного лисенка-татушку на правой руке. – Зимой в Игру не входил?

Санёк помотал головой.

- Зря. Кетильфаст тебя проверял. Ездил на хутор к Ободранному. Кстати, не в курсе, что с ним стало?

- Я его убил вообще-то, – смущенно сообщил Санёк. – Он нас с Алёной в своем доме подловил. И решил, что Алёна ему пригодится, а я в этой жизни лишний. Во всех смыслах. Так что без вариантов. Или он, или мы. Ты с ним знаком?

- Шапочно. Был. – Сергею принесли пиво, и он не преминул воздать ему должное. Санёк – тоже. Пиво здесь, в главном и единственном кабаке Закрытой территории «Мидгард», как всегда, было отменным. – Но люди говорили: непрост был Ободранный. Отец Хрогнира его в море выловил. Милях в трех от берега. Ну да Хель с ним, с Ободранным. Ты, химера...

- Санёк. Так меня лучше звать. Здесь. А там пока что – не знаю.

- Разберемся. А вот что я тебе скажу, Санёк: такое только с химерами и бывает. Чтоб зеленый, как болотная тина, новичок зашел в тьюториал и порешил пятерых бойцов. И не каких-нибудь дренгов, а матёрых. Один так и вовсе хольдом у ярла числился. С правом на двойную долю.

- Это который? – решил уточнить Санёк.

– Мешок Пальцев. Гадкий, надо признать, был человек. Жестокий и подлый. Они с Грейпюром в хирде главными потрошителями числились. Это, знаешь ли, немалое искусство – правильно человека замучить. Викинги таких ценят не меньше, чем целителей. А эти двое в своем поганом деле настоящими гроссмейстерами числились. Видел бы ты, как они в четыре руки кожу сдирали с одного игрока из мертвяков, который сдуру в нашу Зону с «калашом» полез!

– А ты, значит, смотрел и не помог? – нахмурился Санёк.

– А что я мог сделать? – Сергей даже удивился. – Один против целого хирда? Так я, к твоему сведению, всего лишь игрок первого уровня. Меня Мешок Пальцев в одиночку бы уложил и не вспотел. Это ведь ты его грохнул, не я. И этот факт, парень, у меня в голове никак не укладывается. – Лис выхлебал полкружки разом и покачал головой. – Если тех, кто с кручи прыгал, погубила, можно сказать, их собственная безбашенность, то уж Гимли ты прирезал собственноручно.

– Да ну! – отмахнулся Санёк, наливая себе еще одну кружку. – Я ж не в честном бою победил. Он гадить присел... И я б его убивать не стал, да он за оружие схватился. Пришлось.

– Хольд, он всегда хольд, – поучительно произнес Лис. – В штанах, без штанов. Можешь мне поверить. Я, Санёк, не удивлюсь, если ты скажешь, что и к исчезновению Торстейна с племянником тоже ты имеешь отношение.

– Имею, – подтвердил Санёк. – Это плохо?

– Это – фантастика, – Лис покачал головой. – Торстейн... Это Торстейн. Был. Хрогнир с ним бы управился. Кетильфаст, пожалуй. Ну, может, еще покойный Гимли вместе с Крикуном, если именно вместе. Меня Торстейн, схлестнись мы с ним по-настоящему, распустил бы на шаурму за пару минут. Так что колись, Санёк: очень любопытно мне знать, как ты его завалил? Дерево ему на макушку перед этим упало или земля под ногами разверзлась?

– Вообще-то не знаю, – признался Санёк. – Потому что племянника да, я зарезал. А вот Торстейна... Непонятно с ним, – Санёк помрачнел. – Друг со мной был. Новичок. Тоже Серёга... Он и убил.

– Новичок?! Как?!

– Лис! Ты чего орешь, как больной слон? – На скамью напротив плюхнулся бритый налысо жилистый мужик.

Имени его Санёк не знал, но внимание обратил. Это среди мертвяков и технов куча народа щеголяла гладкими черепами. На Закрытой территории «Мидгард» этот был, похоже, единственным.

– О! Черепаха! Ты только послушай: Тор-стей-на-холь-да у-бил но-ви-чок!

– Звучит смешно, – согласился лысый. Глянул на Санька. – Меня Василий зовут, – сообщил он. – Черепаха – это я там, во фьордах. А ты – Санёк, правильно?

– Так и есть.

– Ты, что ли, Торстейна убил? Так?

– Не так, – буркнул Санёк. – Его убил мой друг, с которым я заходил в Игру... Который не вышел.

– Чей-то я об этом слышал, – пробормотал лысый. – Не тот, который из тьюториала не вернулся?

– Он самый.

– Братцы! – воскликнул Лис так пылко, что Санёк понял: тот уже изрядно набрался. – Братцы! Какая у вас тут жизнь насыщенная. Давайте рассказывайте!

– Это не здесь, а там, – буркнул Санёк. – Нечего рассказывать. Взял друга в Игру, а его там убили.

– Так не бывает!

– Бывает, – сказал Санёк. – Я его сам похоронил. И на Свободе он не появился. И в миру. В миру... Его родным Стратегия денег занесла. С враньем и

соболезнованиями. Так что – бывает, Лис. У вас тут – бывает.

– У нас, а не у вас, – строго поправил Василий. – Ты теперь тоже игрок, химера. А в Игре – убивают, сам знаешь. Значит, уже и новичков тоже. Что делать? Выпьем на помин души – и сделай рожу веселей! Мы-то живы, игрок! А это кое-что да и значит! А значит это, что весной мы в вик пойдем! Так, Лис?

– Ох, пойдем, Черепаха! – осклабился Лис. – Повеселимся!

– Я на сегодня – все, пожалуй, – поднимаясь с лавки, проговорил Санёк, которому стало как-то... тошновато. – Мне завтра опять в учебку.

Его не услышали.

Но на следующий день Лис сам его нашел и предупредил строго: если захочет Санёк весной к Хрогниру прийти, то пусть придумает легенду покрасивее, потому что о том, что не зимовал он на хуторе Ободранного, ярлу уже известно.

Пригодился совет.

* * *

– Правило трех «о», как говорил когда-то мой мастер, – Мертвый Дед перевел меч в верхнюю позицию. Теперь острие его глядело Саньку точно в лоб. – Обогнать. Обмануть. Обыграть.

Стальное жало прыгнуло вперед, но Санёк без усилий сбил его краем щита.

– Скорость, – сказал Мертвый Дед. – В скорости ты пока мне уступаешь. И потому уходишь в оборону. А это в твоём варианте – проигрыш!

Клинок прыгнул снова – и тут же упал вниз. Санёк среагировал вовремя, успел опустить щит... А зря. Это был финт. Ложная атака, вестись на которую не следовало. Доворот кисти – и клинок мастера оружия замер в сантиметре от Санькиной шеи.

- Минус одна голова, - констатировал Мертвый Дед. - У тебя есть запасная, игрок?

- Ага, - пробормотал Санёк, отодвигаясь. - Целых три!

Черный сфинкс на его руке прикрыл морду лапкой. Ему было стыдно.

- Это называется: обмануть, - пояснил мастер оружия. - Я бы охотно показал, что значит «обыграть», но ты для этого не годишься.

- Это почему же? - поинтересовался Санёк, одновременно выстреливая клинком в переносицу Мертвого Деда.

Безуспешно. И обидно. Потому что отбивать атаку мечом мастер оружия не стал. Поймал железо железом, «обернул» меч Санька собственным и, скользнув вдоль лезвия, уколол Санька в предплечье повыше перчатки. Легонько, но жало Дедова меча все равно окрасилось в алый.

Санёк глянул на ранку - только глаз скосил... И...

- Минус вторая голова! - констатировал мастер оружия. - Я обидел полено, игрок. Полено не стало бы реагировать на каждый щипок. Ну что ты творишь, угребище сущеглупое! Даже если б я тебе ручонку напрочь снес, какого чертова демона ты на нее пялишься! Ты мог бы сейчас меня в Валхаллу захреначить!

- Это как же, интересно? - буркнул Санёк. - Ядовитой слюной в глаз плюнуть?

- Я те счас неядовитой колотухой в глаз засвечу! - пообещал Мертвый Дед. - Соберись, недоразумение, и делаем медленно...

Его меч вновь перехватил клинок Санька, увел наружу доворотом кисти, змеей потянулся к предплечью и остановился...

- На щит свой глянь! - велел мастер оружия.

Санёк решил, что Мертвый Дед укоряет, что ученик не прикрыл щитом руку при атаке, но потом сообразил, что имел в виду мастер оружия. Меч Санька был

связан, но, потянувшись к руке противника, Мертвый Дед опасно открывал голову справа. Более того, Саньку было крайне удобно, отступая назад, войти в разворот, пропуская соперника мимо себя, и очень естественно приложить его краем щита по затылку. Удар, конечно, не смертельный при наличии шлема, зато добавляющий Мертвому Деду инерции и выводящий в позицию, когда он продолжал бы двигаться вперед – уже в никуда, – а Санёк оказывался у него за спиной в положении, позволявшем работать на выбор: рубящим по голове, уколом в спину или хлестом по ногам...

Мертвый Дед был стопроцентно прав: если б Санёк не глазел на пустяковую ранку, а уловил рисунок боя, то заработал бы чистую победу.

– А ну еще раз! – азартно потребовал он.

Выпад поверх щита, звон клинков... И Санёк сам получил Дедовым щитом по роже.

– Так не честно! – возмутился он.

– Еще как честно! – ухмыльнулся мастер оружия. – Ты струсил, цыпленок! И получил, что положено трусу!

– Почему это я струсил?

– Да потому! Мозги подключи, полено на ножках. В чем была шутка?

– Ну... Обойти сбоку, – предположил Санёк.

– Козу будешь сбоку обходить, когда рабом у бонда станешь, – посулил Мертвый Дед. – В скорости ты мне проигрываешь. Обмануть меня у тебя кишка тонка. Значит, что?

– Обыграть? – предположил Санёк.

– Типа того, – кивнул мастер. – Так понял или нет?

Санёк мрачно мотнул головой.

- Вот же дубина стоеросовая. А я думал: вот у меня, наконец, ученик с мозгами завелся. Стю-юдент! А у тебя, видать, удача твоя весь умишко в распыл пустила. Смотри, блондиночка, и запоминай! Фишка тут не в том, чтобы сочной попкой вертеть, а в том, чтобы правильно злому дяде отдаться. Вот гляди! Я тебя повязал, хочу достать, а ты что сейчас сделал? Взял и забрал свою корявую ручонку! А почему? А потому, что ты знал, что я к ней тянусь. Так какого хрена ты ее забрал?

- Так это... Чтоб ты меня не ранил, - буркнул Санёк.

- Я тебя не раню, я тебя вообще на бастурму распущу, - посулил Мертвый Дед. - ТЫ РУКУ УБРАЛ! И что теперь?

- Ну... Ты меня не достал, - предположил Санёк.

- Да я тебя и доставать не буду! - рявкнул Мертвый Дед. - Какого хрена я буду тебя доставать, если ты, полено ободранное, РУКУ СВОЮ УБРАЛ? А какого собачьего дерьма я буду тянуться за твоей рукой, если я точно знаю, что я ее не достану?

- Так если ты меня достанешь, что в этом хорошего? - пробормотал Санёк...

И тут он допер.

- Я тебе ее нарочно отдаю! - возопил Санёк.

- Ну наконец! Дошла шутка и до жирафа! Конечно, ты мне ее отдаешь. И я ее возьму без вариантов, потому что, как мы уже знаем, я быстрее и вообще лучше тебя на сто с гаком процентов! А значит, чтоб меня сделать, тебе, белобрысое угребище, надо меня купить! Дать мне что-то такое, от чего я не смогу отказаться, потому что вот оно, на блюдечке. И если я парнишка жадный, а в нашей Игровой зоне нежадных еще поискать надо, то я за рукой твоей потянусь обязательно. И кровушку тебе таки пущу, тут ничего не поделаешь. Зато потом ты со мной, быстрым и ловким, сделаешь то, что твой дедушка делал с бабушкой, чтобы родился твой папа. Все, девочка! В стойку! Поглядим, как ты умеешь отдаваться, чтобы поймать взрослого дядю!

Глава шестая

Игровая зона «Мидгард». Александр Первенцев. Первый поход

- Теперь ты наш, - сообщил Саньку Кетильфаст. - Рад?

Санёк кивнул. Сдержанно. Ожидал продолжения.

- Дренг, - уточнил викинг. - С правом на долю. Любишь деньги?

- Я славы хочу, - Санёк выпятил подбородок. - Будет слава, будет и добыча.

- Верно мыслишь, - одобрил Кетильфаст. - Знаешь, куда мы нынче пойдём?

- В вик? - предположил Санёк.

- Не совсем. Сначала - страндхуг. Знаешь, что это такое?

Санёк мотнул головой.

- Ну да, откуда тебе знать. У вас в Гардарике бонды сами положенное ярлу отдают. Добром. У нас - не так, - не без гордости пояснил хольд: - У нас люди вольные, сильные. Если могут, ничего ярлу не дадут. А ведь ярл - опора их и защита.

По интонации викинга Санёк не мог понять: одобряет он упорство простонародья или нет. Сам он от комментариев воздержался, но всем видом показал: предстоящее дело ему не по душе.

- Не нравится? - поинтересовался Кетильфаст.

- Славы в таком походе не добудешь, - буркнул Санёк. Подумал немного и добавил, вспомнив уроки истории: - За данью надо осенью ходить. Когда урожай собран. Или зимой хотя бы. Зачем на такое летнее время тратить?

– А ты неглуп, – похвалил Кетильфаст. – Я о дядьке твоём, Желтобородом, не слыхал ничего, но сразу догадался: не из простого ты рода. Дахи вот полагает: ты изгой или изверг, но я так не думаю. Раз ты зимовал со своими, значит, нет на тебе вины перед родичами. Я думаю: много сыновей у твоего отца, и ты – не из старших. Так?

Санёк пожал плечами: мол, думай как хочешь. Версия о «младшем сыне», отправившемся за славой и богатством в чужие края, его вполне устраивала. Но подтверждать или отрицать любую догадку он не собирался. Лучше помалкивать. Тогда и на вранье не поймают.

– Я так скажу, – продолжал Кетильфаст. – Кто твой отец – неважно. В Гардарику мы нынче точно не пойдём. Но хочу, чтобы ты помнил: ты теперь – хирдман Хрогнира-ярла. И если жажда славы затмит в тебе обет верности, то я позабочусь о том, чтоб ты, дренг, горько об этом пожалел!

– Не понял тебя. – Санёк действительно не въехал в смысл сказанного.

– Всё ты понял, чай, не дурак. Если хирд стоит строем, то и ты стоишь в этом строю, а не бросаешься на врага, как нажравшийся мухоморов ульфхеднар, ясно?

– Ясно, – кивнул Санёк.

– Очень хорошо. А теперь, дренг, проверим, как ты умеешь стоять в строю...

* * *

Щит к щиту, копьё наружу. Обзор ограниченный, но вполне достаточный, чтобы видеть шагах в тридцати точно такой же строй... Такой же, да не совсем. Покороче.

Это был не первый фьорд, в который зарулил драккар Хрогнира-ярла с целью сбора дани, но первый, где их встретили так решительно. В остальных превосходство ярловой дружины было столь очевидным, что процесс отъёма собственности проходил без проблем.

– Ты не туда зашел, Хрогнир-ярл! – проорал седобородый вояка великанских габаритов. Надо полагать, здешний лидер. Судя по голосу, ничуть не напуган. – Мы – люди конунга и тебе ничего не должны.

– Вот тут ты ошибаешься, Олаф Бьернсон. Ты должен мне как раз потому, что ты – человек конунга. Это ведь люди конунга напали на нас прошлой осенью, значит, я вправе возместить убытки на его данниках.

– Ты лжешь, Хрогнир-ярл! – взревел здоровяк. – Наш конунг Харальд осенью бился со свейским конунгом, а не с каким-то мелким ярлом из никудышного фьорда!

– Я могу убить тебя лишь за одно то, что ты назвал меня лжецом! – взревел Хрогнир, однако Санёк сообразил: если вместо того, чтобы дать команду атаковать, ярл всего лишь грозит, значит, и ярость – наигранная.

– Так убей! – предложил здоровяк, подбрасывая и ловя меч. – Вот он я! Решим дело поединком!

– Поединком? Да ты никак рехнулся, Бьернсон? – Хрогнир засмеялся. – Я – ярл, сын и внук ярла, а ты в детстве пас коз, как какой-нибудь трэль. К тому же на одного твоего доходягу приходится трое моих хирдманов. А теперь скажи, Бьернсон, что мешает мне убить твоих людей и тебя заодно, а затем взять все, что мне понравится?

– Страх перед мезтью Харальда-конунга, я думаю, – предположил здоровяк. – Иначе бы ты уже напал, а не чесал языком, как баба у источника.

– Хочешь сказать, что я – баба? – вкрадчиво поинтересовался Хрогнир-ярл.

– Я так не сказал. Я сказал: как баба, но не назвал тебя бабой. Согласись, тут есть разница. Вот если бы я действительно назвал тебя бабой, Хрогнир-ярл, тогда...

– Довольно! – взревел Хрогнир.

«Здоровяк издевается, – сообразил Санёк. – Чувствует, что ярл не рвется в бой, и провоцирует. Интересно, зачем? Хотя это как раз понятно: хочет поединка. Думает: в драке хирд на хирд – шансов никаких, а так – кто знает? Этот Олаф выглядит опасным бойцом. Вон как мечом играет. Да и покрупнее Хрогнира».

– Берсерки Харальда подло напали на меня и ограбили! И за эту подлость кто-то должен ответить! Ты, Олаф, человек Харальда. Ты и ответишь. Боги – свидетели, эту распрю начал не я, а люди Харальда! Я в своем праве! – Ярл шагнул назад, и строй расступился, готовясь его принять.

– Эй, погоди! – закричал Олаф встревоженно. – Я ничего не знал о берсерках. Ты уверен, что это были люди Харальда-конунга?

– Драккар, полный волков Одина! – рявкнул Хрогнир. – У кого еще, кроме Харальда, есть столько священных безумцев?

– Но ты ведь не знаешь точно! – настаивал Олаф. – Послушай, Хрогнир-ярл! Я приношу извинения за то, что говорил с тобой неучтиво. Будь снисходителен, и я заплачу виру за свои слова и окажу тебе гостеприимство.

– Быть посему! – согласился Хрогнир.

Махнул рукой – и строй рассыпался. И строй местных – тоже.

Драка, к некоторому огорчению Санька, не состоялась.

Впрочем, огорчался только Санёк.

– Этот Олаф дерется так, будто и впрямь папаша его – медведь. Может и в священную ярость впасть. Тогда вообще туши свет. Схватись Олаф с Хрогниром один на один – еще неизвестно, кто бы победил, – пояснил Саньку Сергей Лис. – И в общем бою нам бы пришлось нелегко. У Олафа – трое сыновей. Все – под стать папаше. Вон они стоят, сам видишь. Если б отец их Харальду не присягнул, они бы не землю пахали, а Лебединую Дорогу викингов. Многие из здешних – такие же. Знают, как выпустить человеку кишки. А у нас больше половины бойцов – зелены, как травка по весне. Победить-то мы победили бы, но треть

румов на драккаре бы опустела. А так и до боя не дошло, и оба они, Олаф и ярл наш, честь сохранили.

Потом был пир. И на этом пиру, а вернее, после него Санёк умудрился вляпаться по полной программе. Причем не по собственной инициативе.

Есть такая примета: чем больше викинг выпьет пива, тем чаще его тянет на свежий воздух.

Пива Санёк выпил изрядно. Но ориентацию в пространстве сохранил и даже ухитрился выиграть соревнование по метанию ножей. Впрочем, невелика заслуга. Настоящие герои участия в нем не принимали. Герои метали топоры. И копья. На куда большее расстояние и с куда большим уроном для мишеней. Копья, впрочем, метали не только в мишень, но и друг в друга. Расходились на дистанцию шагов в тридцать и метали. По очереди. Один кидает, второй ловит. Задача еще та, учитывая, что на таком расстоянии копье запросто пробивало и доспех, и тушку внутри него. И щит, если его «ставили» неправильно. Однако пострадавших не было.

В метании топоров первое место занял головорез по имени Кнут Костедробитель. Старший сынок Олафа Бьернсона. Чрезвычайно наглый бугай. Вздернутый кверху кончик мясистого носа вкупе с толстенной шеей и махонькими глазками придавали хозяину отчетливое сходство со свиньей. Хотя острить на эту тему никто не рисковал. И задирать старшего Олафсона – тоже. Он сам задирал других. Громко и обидно.

Но не Санька. Санёк для него был слишком мелкой рыбешкой. Таких он просто не замечал...

В прямом смысле. Как говорится: носорог передвигается быстро, а видит плохо. Но при таком весе это не его проблемы, а тех, кто окажется на дороге.

Кнут Санька наверняка видел. Но «не заметил». Хотя Санёк не в проходе стоял, а сбоку. Причем как раз завел интересный разговор с симпатичной местной девушкой. Вернее, она сама его завела, а Санёк уж поддержал с

удовольствием...

И вдруг ощутил, что вот только что он стоял, а теперь уже летит. И на хорошей скорости таранит опорный столб с красивой этнографической резьбой. Да больно так таранит...

Санёк зашипел, развернулся...

И увидел Олафова сына. С ухмылкой во всю рожу. А рожа у него... Свинячья. И не просто свинячья, а такая, что если кирпичом приложить, то повреждения будут на кирпиче, а не на роже. Ухмыляется и девчонку, с которой Санёк общался, за попку щупает. Девчонка терпит. Ну да! Попробуй тут не потерпи...

Санёк смотрел-смотрел, а потому рука сама к ножу потянулась...

...И была перехвачена на полпути.

- Спятил? - прошипел Сергей. - На минуту тебя одного оставить нельзя...

- Вот-вот! - пробасил Кнут. - Нашепчи своей подружке, Лис, как надо себя в гостях вести, чтоб хозяйевам путь не заступала.

- Ты язык-то придержи, Олафсон, - спокойно сказал Сергей. - У отца учтивости поучись. Или тоже хочешь виру за длинный язык заплатить?

Рожу Кнута перекосило... Но он сдержался. Буркнул что-то, отпустил девчонку и отошел.

- Вот так-то, - с удовлетворением произнес Сергей.

- Фигасе! - Санёк с уважением поглядел на игрока. - Чем это ты его напугал?

- Он не меня, а богов боится, - ответил Сергей. - Мы же гости. А кто закон гостеприимства нарушит, тот уже не только перед людьми, но и перед богами отвечает. Но, когда уходить отсюда будем, постарайся на глаза ему не попадаться. Мало ли...

Девчонка умчалась куда-то, подмигнув Саньку напоследок. А ведь непростая девушка: цепочка золотая на шейке, перстеньки....

– Пей, ешь и помалкивай, – посоветовал Сергей. – Здешние, даже нажравшись, правила помнят. Это у них в крови. А у тебя – нет. Так что спокойней ко всему, спокойней. Никому не дерзи, никого не трогай. Понятна идея?

– Вполне, – ответил Санёк. Было прикольно: настоящие викинги, живые, колоритные...

Спокойно не получилось. Пиво – оно пиво и есть. Располагает к «подышать свежим воздухом». Вот и вышел человек отлить, делал свое дело, никого не трогал, но не успел даже штаны завязать...

Захват сзади. Да такой, что так просто не выскользнешь... И достаточно приятный, чтобы не хотелось применять силу.

Ммм... Всё же неплохо бы взглянуть, что за дама его поймала?

Санёк попытался развернуться, но пылкая скандинавка держала крепко. И действовала решительно.

Жаркий шепот в ухо, щекочущее прикосновение волос:

– Красавчик, покажи мне своего сомика. Куда ты его спрятал?

Девичья лапка, не сказать что нежная (женщины здесь работающие, лапки – мозолистые), но решительная нырнула Саньку в штаны.

А вот это уже перебор. Санёк лапку перехватил, провернулся...

О-о-о! Знакомая девушка! Та самая.

Санёк слышал, что нравы здесь – легкие. Да и сам кое-что видел. Много можно. Даже свободных леди – можно. При условии добровольности и одобрения

старших. Однако старшим сейчас не до целомудрия родни женского пола. У них нынче другие приоритеты: вон новый котел с пивом приволокли. А кто первый на дегустацию?

- Ужель не нравлюсь?

И прижалась весьма откровенно. Да еще и движения бедер... соответствующие, на которые Санькин организм отреагировал. Ну естественно. Как еще он мог отреагировать?

- Ой какая рыбка!

И ведь не воспрепятствуешь, потому что одной рукой приходится придерживать штаны, а другая... А классная попка!

В общем, Санёк сдался и впился в чудный ротик...

И далеко они не ушли. Оттанцевали метров на десять от дома, рухнули в травку. И понеслась.

Правда, даже в порыве страсти Санькина внезапная возлюбленная не забывала об осторожности. Вернее, о предосторожностях, потому что презервативов в этом мире не имелось...

Однако в целом все прошло неплохо. И оценить это мог не только Санёк, но и любой, кто оказывался в радиусе полусотни шагов. Голосок у пылкой скандинавки оказался не просто зычный - трубный. Низкий хриплый рык, который, казалось бы, не должно исторгать трепетное девичье горлышко. А вот исторгало.

Полчаса максимум - и всё закончилось. Подружка бодренько вскочила на ноги, подтерлась подолом:

- Фолькой меня зовут, хорошенький дружочек, - сообщила она кокетливо. - Пошли в дом, что ли? Я пива хочу.

Но Санёк пива не хотел. И в дом не пошел. Решил по бережку прогуляться. Поразмыслить. Потому что это у викингов было все просто, а вот в Игре – не очень.

Что-то такое закручивалось у Санька в Стратегии. Что-то, не имеющее отношения к викингам. Возникло такое чувство, что куча народа в курсе этого «заворота», и только сам Санёк бродит впотьмах. Кстати вспомнилось, как отправлял Санька в Игру контролер-привратник. И как Саньку показалось даже: не пропустит его контролер...

* * *

– Не торопись, игрок, – придержал Санька Маленький Тролль Хенрик. – Присядь-ка на травку и немного пообщаемся.

«Веди себя естественно, – приказал себе Санёк. – Спокойно и с достоинством. Чем я рискую? Да ничем. Если Маленький Тролль узнает, что у меня в сумке регенерат в двух видах и еще кое-какие снадобья из другой Игровой зоны, то максимум, что он может сделать, – это не пропустить их в Игру. Или пропустить, как он пропустил в свое время автомат Фёдрыча. Это уж как повезет».

– А мне говорили, – сказал Санёк, – что если ты игрок, то можешь входить в Игровую зону беспрепятственно. Или – нет?

– Сядь, сказано! – рыкнул Маленький Тролль. – Старшие сказали: присмотреться, и я, будь уверен, присмотрюсь. А пока не присмотрюсь, прохода тебе не будет. Я внятно выражаюсь или аргументировать? – Лапа контролера-привратника сжалась в кулак.

– Вполне, – Санёк опустил на травку. Не без облегчения. Значит, запретные снадобья – ни при чем. Пока.

Однако нарываться по-любому не стоит.

Маленький Тролль слез с коня, присел рядышком.

– Лично я, – сказал он, – никаких дурных меток на тебе не вижу. Если не считать таковой твой знак черной химеры. – И усмехнулся. – И ничего совсем уж запретного, – контролер-привратник похлопал по дорожной сумке Санька, – ни на тебе, ни при тебе, игрок, я тоже не наблюдаю.

«Знает, – решил Санёк. – Знает и готов пропустить в Игру. Так в чем же дело?»

– Зато, – продолжал Маленький Тролль Хенрик, – я вижу, что знак твой за тебя уже взялся всерьез.

– В смысле? – осторожно уточнил Санёк.

– Ты в зеркало на себя давно смотрел, игрок?

– Утром, когда брился.

– И что увидел?

– Да, в общем, то же, что и обычно, – Санёк засмеялся. – Ни рогов, ни нимба пока не наблюдается.

– Юморист, – хмыкнул контролер. – А я вот отчетливо вижу, что кое-что изменилось. И на мой взгляд – не в лучшую сторону.

Санёк пожал плечами. А что тут скажешь?

– И думается мне, что ты, парень, успел еще где-то поиграть, кроме нашего Мидгарда.

И еще разок похлопал по дорожной сумке Санька.

– Так и есть, – не стал отпираться Санёк. – В Умирающую землю ходил. С Честными Чистильщиками. Меня в клан приняли. Это не запрещено?

Маленький Тролль покачал головой:

- Не запрещено. Хорошо сыграл?

- Неплохо.

- И добычу поднял немалую?

- Так и есть.

- А почему экипировался так скромно? - Маленький Тролль коснулся Санькиной амуниции.

Защита и впрямь была скромная. Нагрудник из толстой выдубленной кожи, широкий пояс со стальными бляшками и стальной открытый шлем без всяких украшений.

- Так незаметнее.

Да, у него была возможность приобрести самые лучшие доспехи, но было бы странно, если бы Санёк пришел вербоваться в экипировке ярла. Хотя нельзя сказать, что его оружие было таким уж никудышным. Кожаный нагрудник был пропитан укрепляющим составом, шлем, простенький, вдобавок искусственно состаренный, на самом деле был изготовлен из превосходного металла, и даже его кривоватые исцарапанные заклепки могли выдержать добрый удар доброго меча. Хотя не факт, что то же можно было сказать о голове внутри шлема. Аналогичную маскировку наложили и на Санькин меч.

Выяснилось, что на Игровой территории «Мидгард» существовала целая индустрия по производству неказистых с виду, но качественных по факту изделий. Причем речь шла не только об оружии и доспехах. Можно было приобрести, например, кожаную флягу, которая хранила воду не хуже, чем серебряная, сапоги, не знающие сносу, или поношенные кожаные портки с трехлетней гарантией непротираемости и иными бонусами. Штанишки, которые сейчас были надеты на Санька, смотрелись так, будто достались ему по наследству от парочки старших братьев, но при этом могли выдержать не только режущий удар ножа, но и скользящий - меча или копья. Так, во всяком случае, утверждал их изготовитель.

Разумеется, контролеру-привратнику все эти игровые хитрости были известны. И вопрос был задан с другой целью.

– Взяли изрядно, да, – произнес он с непонятной интонацией. – А ещё я слышал: чистильщики при этом половину клана потеряли.

– Тоже правда, – признал Санёк. – Остроухие постарались. Сначала мы – их, а потом они – нас. Но победа за нами осталась! – добавил он с гордостью. И на всякий случай уточнил: – Когда я из Игры выходил, так было. Сейчас – не знаю. А что? Еще с ними какая-то беда?

Контролер-привратник вопрос проигнорировал:

– А что ж сам не узнал?.. Чистильщик. Не интересно? Это же твой клан. А клан, парень, если ты еще не понял, – это очень серьезно. Для мертвяков клановые – как братья родные. Тебе к своим надо, а ты вот сюда заявился. Да еще и в одиночку. Зачем?

– Затем, что я – фехт! – твердо произнес Санёк. – И моя главная Игра не там, а здесь.

– Сильное заявление! Аргументируй.

– А нечем мне аргументировать, – сказал Санёк. – Чувствую я так. И всё.

– Тоже аргумент, – согласился Маленький Троль. – Ну а в миру что у тебя стряслось? – неожиданно сменил он тему.

– Это к делу не относится, – насупился Санёк. – Разбор уже был, и меня... Вроде как простили.

– Тебя – да. А ты?

Санёк подумал немного... И решил не врать:

– А я – нет! У меня друг погиб. Новичок.

Маленький Тролль кивнул, мол, в курсе.

– Мой друг погиб. Не по правилам. И кто-то за это должен ответить, – мрачно заявил Санёк. – И ответит рано или поздно.

Контролер-привратник фыркнул:

– В первый раз вижу такого наглого щенка! Этим делом эксперты занимаются, а ты со своим первым уровнем – туда же! Хотя... – Он вдруг улыбнулся совсем добродушно: – Ты же – химера! У таких, как ты, с тормозами беда. Ну да ладно. Дела мира меня не касаются. Там свои... хмм... контролеры есть. – И, поднимаясь с земли: – Значит, чувствуешь себя фехтом, игрок?

– Чувствую! – Санёк тоже встал и постарался глядеть гордо и уверенно, а это совсем непросто, если собеседник выше тебя почти на голову.

– Что ж, чувствуй и дальше, – разрешил контролер-привратник. – Но позволь мне дать тебе совет: как фехт – фехту. Не попутай стороны, малыш!

– Не понял...

– Надо будет – поймешь. Просто запомни. Эта Игровая зона называется «Мидгард», а не Йотунхейм.

– А что, есть и такая? – заинтересовался Санёк.

– Это Стратегия, парень. Здесь есть все. А вот тебя в ней может не быть. Хорошей Игры, Александр! – Маленький Тролль вручил Саньку эвакуатор, который тот упрятал в тайный кармашек на исподних штанах.

Проход открылся.

Регенерат остался у Санька в сумке. И это было здорово, потому что уровень медицинской помощи, которую предоставляло своим обитателям Средневековье, оптимизма Саньку не внушал.

Глава седьмая

Игровая зона «Мидгард». Александр Первенцев. Первый хольмганг

– Я брал тебя как женщину! Ну ты и пес смердячий, Кнут Олафович по прозвищу Костедробитель!

Теперь Саньку придется драться. И драться самому. Снести подобное оскорбление – навсегда потерять лицо.

А так все неплохо развивалось. Утро такое славное. Солнышко вот-вот взойдет, водичка плещет, похмелье не мучит. Выкуп «за оскорбление ярла» (почти полтонны пищевых продуктов) на борт загрузили, сами загрузились... Почти.

Такое хорошее утро испортил, змей здоровенный! И было б с чего? Ну посмотрел не так... Это что – повод для убийства?

Нет, Санёк понимал: викингу для убийства повод необязателен. Само желание – уже достаточный повод. Но ведь Санёк не один. Он – часть хирда. Если эта остолопина здоровенная его убьет, то за кровь с него возьмут по полной. Верегельд [2 - Верегельд (вира) – денежный штраф за совершенное преступление. В данном случае – за убийство. Но может быть и выкупом за невесту, например.] неслабый со всего рода. И еще не факт, что после этого все закончится, ведь любой из родичей Санька (а его род теперь – хирд Хрогнир-ярла) может потребовать поединка с Кнутом и убить его без всякого за то наказания. А если победит Кнут – снова выкуп платить. Вот такие, насколько Санёк понял, здесь законы человеколюбивые. А как иначе? Без жесткой системы наказаний эти парни бы только и делали, что резали друг друга.

Проблему осознал не только Санёк, но и папа Костедробителя. Поманил сына, прорычал что-то... императивное. Но сынок лишь головой мотнул. И тоже рыкнул что-то... Санёк не расслышал. Далековато. Но довод, кажется, папашу убедил. Помрачнел папаша и строить сына больше не стал.

– Я за тебя встану! – Это Сергей Лис.

Санёк мотнул головой. Оскорбление ему нанесли такого сорта, что отмыть можно лишь кровью обидчика. Причем собственноручно.

– Я – за тобой! – Это Дахи. Неожиданно, но приятно. Что ж, если Санька убьют, отомстят за него наверняка. Такое греет... Но недостаточно.

А драться ой как не хотелось! Кнут Костедробитель весом превосходил Санька раза в полтора, а здоровьем – и того больше. И оружием наверняка владеет намного лучше, а главное – у него, по всему виду, изрядный боевой опыт. Небось не меньше дюжины походов за спиной.

Ишь щерится, сволочь. Знает, что делает. Наверняка выяснил, что дренг Сандар – зеленый, как только завязавшееся яблочко. Не сомневается, гад, что убьет. И что обидно: у него есть все основания так думать.

А вот Санёк разделять его точку зрения не должен. Потому что с таким настроением можно только проиграть. То есть – умереть. А смерть в планы Санька не входила. Будь он обычным дренгом, выбора бы у него не было. Но Санёк – игрок. И в тайном кармашке у него – эвакуатор. Навести на солнце, подождать пару секунд... И нет его в Игровой зоне «Мидгард». Обидно, конечно. Но все же лучше, чем умереть.

Он взглянул направо. Гряда уже зарозовела. Скоро покажется солнце... И у Санька появится выбор. Значит, что сделать? Потянуть время...

– Ты что-то сказал, Олафсон? Или мне показалось, – процедил Санёк надменно. – Повтори-ка! Я не расслышал!

Папа Костедробителя оживился. Оживились и те, кто догадывался, к чему приведет неравная дуэль, и не радовался результату. А тут Санёк вроде бы давал Книту возможность взять слова обратно. Не расслышал оскорбления, значит, и не было его.

– Молодец... – вполголоса похвалил Кетильфаст, который понял слова Санька именно так.

В общем, реплика получилась неплохая. Но бесполезная. В смысле – замириться. В смысле «потянуть время» – все нормально.

– Я брал тебя как женщину! – громко и с явным удовольствием повторил Костедробитель.

Теперь оживились те, кто простодушно рассчитывал поглазеть на рубилово. Ура, супершоу не отменяется!

– Меня-я? – протянул Санёк с демонстративным удивлением. – Ты перепутал, Кнут. Это была свинья. Должно быть, тебе было нетрудно ее уговорить, ведь ты так потешно хрюкаешь! И нос у тебя – вылитый пяточок! – Санёк приподнял пальцем кверху кончик собственного носа: – Хрю, хрю, Кнут Свинолюбитель! Познакомь меня со своими поросятками!

– О-го-го! – Кнут ослабился. – Словенский щенок затыкал по-нашему. Право, жаль убивать такого горластого песика. Но ничего не поделаешь. Я уже пообещал моей Фольке твою засушенную удочку в качестве свадебного дара. Не могу же я обмануть свою будущую жену, верно?

Ах, вот в чем дело! Теперь понятно, почему здоровяк так взъелся на Санька. А Фолька-то какова? Даже не намекнула, что Костедробитель ей, типа, жених. Хотя Санёк мог бы и сам догадаться, когда Кнут Олафсон ее тискал. И как быстро он появился, когда Санёк затеял с девушкой приятный разговор. Однако Фолька эта – стервочка, мягко говоря. Знала ведь, что женишок так дело не оставит. В другом мире ей бы первой досталось за вспыхнувшую любвеобильность, а здесь – не факт. Здесь, похоже, достанется ни в чем не повинному прохожему.

Санёк взглянул на небо. Солнце вот-вот покажется над краем гор.

– Насчет моей удочки – хорошая мысль, – одобрительно заявил Санёк. – Моя бы тебе пригодилась, раз своя – негодная. Да только она мне самому нужна. Знаешь историю о том, как один бонд тролля обманул?

– Ну? – Костедробитель благожелательно кивнул. – Расскажи.

«Я тяну время, – подумал Санёк. – Потому что не хочу умирать. Но ведь и эвакуироваться я тоже не хочу!»

Удрать сейчас – показать себя не только колдуном, но и трусом. После такого об Игровой зоне «Мидгард» можно забыть. Слух о его эффектном бегстве разойдется по всем окрестным землям.

Куда ни кинь, везде... Клин клином вышибают.

– Возвращался как-то один бонд с рыбалки, – начал Санёк задумчиво.

Замолчал. Огляделся. Слушали его внимательно. Здешние любят истории. Ради хорошей истории могут даже жизнь подарить. Вот и Кнут с препарированием Санькиного организма согласен подождать некоторое время.

– Возвращался он, значит, с рыбалки с огромным мешком рыбы. А навстречу ему йотун. Мелкий еще, глупый.

– Да они и большие ума невеликого, – проворчал кто-то из хирдманов.

На ворчуна, шикнули и Санёк продолжил:

– «А-а-а, человек! – обрадовался йотун. – Отдавай-ка мне рыбу, пока я тебя самого не съел!»

Бонд испугался, но виду не подал. Рыбу, конечно, жалко, но ведь жизнь-то дороже. Рыбы можно еще наловить. Но и улов отдавать жалко. И решил он йотуна перехитрить.

«Рыбу я тебе отдам, – сказал бонд. – Но надолго ли тебе ее хватит? Не хочешь ли, чтоб я тебе способ рассказал, как можно легко и быстро много рыбы наловить?»

«Хочу! – обрадовался йотун. – Рассказывай!»

«А ты пообещай, что не станешь отнимать у меня рыбу и убивать меня тоже не станешь!»

«Обещаю! – охотно согласился йотун. – Говори, как ты рыбу ловишь?»

«А на удочку!» – заявил бонд.

«Фу-у-у! – скривился йотун. – На удочку – это не секрет! Съем я твою рыбу. И тебя заодно».

«Нет, ты погоди! – воскликнул бонд, понимая, что провести йотуна не удалось, и думая, как ему выкрутиться. – Я ж не о простой удочке говорю!»

«А о какой?»

«Да вот об этой! – Бонд похлопал себя по причинному месту. – Опускаешь эту удочку в воду... И вся рыба тут же к тебе сплывает. Просто руками бери!»

Хирдманы, простые парни, заржали. Не все.

Не смеялся Хрогнир-ярл.

И Кнут – тоже. Сверлил взглядом Санька, пытаюсь понять: к чему он клонит?

А тот продолжал:

– «Ух ты! – восхитился йотун. – Я и не знал!»

«Ну что, в силе наш уговор?» – спросил бонд.

«Конечно! – прорычал йотун. – Оставь себе свою рыбу».

А Санёк ни к чему не клонил. Он ждал. Солнца.

– Глупая сказка! – наконец заявил Кнут. – Хорошо, что короткая. Готов поспорить, что убью тебя быстрее, чем ты ее рассказывал.

– Возможно, – согласился Санёк. – Потому что это не вся сказка.

- И что с того? Я больше не желаю слушать!

- Эй, Кнут, погоди! - заворчали хирдманы. - Успеешь еще его убить! Пусть дорасскажет!

- Пусть, - неохотно согласился Костедробитель. - Только покорооче, говорун словенский. Моя Фолька ждет подарка, а ведь его надо еще закоптить, чтоб не провонялся.

- А ты в мёд положи, - посоветовал кто-то.

Санёк обернулся: кто это там такой умный?

Медвежья Лапа. Ну на этого зла таить не стоит. Просто дурак здоровенный.

Хотя какое зло? У Санька два варианта: драться и, скорее всего, умереть или - смыться и навсегда забыть о Мидгарде. В обоих случаях таить ничего не придется.

Санёк усмехнулся и перешел к финалу:

- «Можешь оставить себе рыбу, - сказал йотун бонду. - Но кое-что мне придется у тебя взять...» - Солнце вот-вот покажется. Вот-вот... Санёк сделал паузу. Весьма драматическую. - «Мне придется, - сказал йотун, - потому что без этой штуки твой секрет не принесет мне никакой пользы, ведь я ничего не смогу поймать». «Что же ты хочешь взять?» - удивился бонд. «Как что? - в свою очередь удивился йотун. - То, на что ловится такая вкусная рыбка. Твою удочку, конечно!»

Викинги заржали.

А над грядой показалось солнце.

Рука легла на плечо Санька. Сергей.

- Молодец. А теперь уходи. Иначе он тебя убьет.

Санёк потянулся к эвакуатору...

- Круг! - рявкнул Костедробитель. - Живо! Я - в своем праве, клянусь Молотом Тора, я и так слишком долго жду!

- Круг, - не слишком охотно повторил Хрогнир-ярл. - Три щита каждому. До невозможности продолжать драться...

- До смерти! - перебил Кнут, и Хрогнир-ярл не возразил.

- До смерти, - согласился он. - Сойдитесь, и пусть боги выберут лучшего.

Санёк смотрел на солнце, сжимая эвакуатор в левой руке.

- Помолись своему Яриле, Словени, - прорычал Кнут Костедробитель, вытягивая меч. - Тор сокрушит и тебя, и его!

- Откуда ты знаешь, кому я молюсь? - спросил Санёк.

- А мне плевать, кому ты молишься, - заявил Олафсон. - И, клянусь нитью моей жизни в пальцах норн, ты его не увидишь! Я отправлю тебя прямо к Хель! - посулил Кнут.

Ему подали первый щит, а Санёк всё еще медлил. Поднять эвакуатор, навести на солнце... И потерять весь этот чудный мир.

Санька хлопнули по спине. Кетильфаст.

- Держи свой щит, Сандар! - Потом добавил, уловив сомнения дренга и истолковав их по-своему: - Это хольмганг. Боги выбирают победителя, помни об этом и о том, какие боги сильны на нашей земле. Кнут ищет покровительства Тора, потому что тот сильнее всех. Но правит в Асгарде все же не Тор, а Один! Сражайся и покажи, что я не зря признал тебя годным той осенью!

И Санёк принял решение.

«А ведь он прав, – подумал Санёк. – Я – химера. А это – Стратегия. Моя Игра. Почему я должен бежать?»

– Подержи пока, – Санёк сунул эвакуатор изумленному Сергею и принял у Кетильфаста щит.

И, вспомнив, как кричал когда-то Берсерк, бросая вызов целому хирду викингов, набрал побольше воздуха и воскликнул:

– Один! Ты видишь меня!

И атаковал первым. Бесхитростно рубанув сверху.

Кнут парировал небрежным взмахом щита и ударил тоже сверху, но – наискось. Таким ударом он мог бы развалить Санька пополам вместе с доспехом. Очень эффектно.

Не получилось. Санёк все же не был полным лохом: ушел корпусом, вскинул щит, перекрывая Костедробителю обзор, и нанес удар понизу, в ногу...

Безуспешно. Кнут ногу убрал и ответил мощнейшим рубящим слева.

Уклониться Санёк не успевал – поймал на щит...

Который вышибло у него из руки.

Зато Санёк успел отпрыгнуть, набрать дистанцию...

И сразу пожалел об этом, потому что меч Кнута увяз в дереве Санькиного щита, и этим можно было воспользоваться. А теперь взмах – и разбитый щит Санька летит наземь и клинок Кнута снова свободен.

– Лови! – Кетильфаст бросил Саньку новый.

«До трех щитов», сказал ярл. У Санька в запасе – еще два. При таком раскладе хватит ненадолго.

Не думать об этом. Сражаться!

Костедробитель не дал ему передышки. Он давил и рубил с отменной быстротой и легкостью, хотя сами удары легкостью не отличались. Два удачных попадания – и второй щит разделил судьбу первого.

Санёк принял третий, чувствуя, как потяжелела левая рука. А ведь бой только начался и противник – как огурчик. Даже не запыхался. Ишь, все щерится. Уверен в исходе поединка. Играет как кошка с мышкой.

Санёк предугадывал удары, которые противник особо не скрывал, и пока что успевал из-под них убраться. Отчасти потому, что Костедробитель не спешил. Санёк догадывался: ему мало просто убить. Невелика честь опытному воину порубить новичка. Кнут хочет убить красиво. А для этого желательно жертву утомить, пустить кровь, частично обездвижить... Легкие раны в конечности. Разбить щитом лицо... Костедробитель.

И тут Санёк понял, как должен его поймать. Должен, потому что другого выхода нет. Иначе – смерть.

Надо обыграть противника. На связке, которую он когда-то отрабатывал с Мертвым Дедом.

Вопрос: купится ли на нее Кнут?

Должен. Ведь это именно то, чего он добивается. Ограничить подвижность. Подрезать правую руку – это для него идеально. Лишить Санька возможности драться и тогда повеселиться всласть.

«А всё-таки я поймел его Фольку», – мелькнула злорадная мысль.

Но Санёк прогнал ее. И все остальные мысли тоже. Спокойствие, собранность, нацеленность... Он не может проиграть. Это просто невозможно. Начали!

В эту атаку Санёк вложил по полной. Последний шанс. И Кнут должен знать и видеть: Санёк пошел ва-банк. Сейчас или никогда.

Костедробитель видел. И ухмылялся. Уверенный в своем превосходстве. Да так оно и есть. Он сильнее, быстрее, опытнее. Таких, как Санёк, он дюжинам на завтрак ест. Что ему эта жалкая атака?

Естественно, клинок Санька отбит, а он сам, тоже ожидаемо, отшатнулся назад и влево...

Но замешкался, «оставил» правую руку... И Кнут, конечно, достал ее в длинном красивом выпаде. Не ударил (куда торопиться?), резанул по плечу и хрюкнул удовлетворенно, когда ощутил железом Санькино мясо...

...И край Санькиного щита с разворота долбанул викинга по загривку, бросил вперед.

И Санёк оказался там, где должен. За спиной врага. Очень сильного и очень быстрого врага, который еще мог спастись, если бы попытался уйти, убежать, оторваться...

Но Кнут Костедробитель не стал удирать от щенка. Он, как и положено храброму воину, зарычал и развернулся навстречу врагу.

Вернее, начал разворачиваться...

Однако, чтобы перейти из того положения, в котором оказался Костедробитель, в положение «лицом к лицу», даже очень быстрому воину требовалась почти полная секунда.

И Санёк успел раньше. Его клинок вошел в толстенную шею Кнута на удивление легко. Меч взрезал мышцу, трахею, вышел с другой стороны и полностью вскрыл горло викинга, когда тот, уже с железом в шее, все-таки ухитрился развернуться. И даже нанести удар по шлему Санька... Несильный. Когда меч Костедробителя дотянулся до шлема Санька, ноги уже не держали Олафсона.

Но звук получился хороший. Звонкий.

А потом, еще несколько секунд – тишина, нарушаемая только стонами чаек... И оглушительный рев сотни с лишним глоток.

Санёк стоял, опустошенный, чувствуя, как бежит кровь по предплечью и становится скользкой рукоять меча... Стоял, еще не понимая до конца, что жизнь продолжается. И не сопротивлялся, когда руки братьев-хирдманов подхватили его, забрали меч, щит, стянули с головы шлем, задрали рукав куртки...

Санёк пребывал в ступоре и когда его насильно усадили на песок, обработали рану. Сделал это Торд Скиллинг, ярлов скальд и по совместительству – врачеватель. Лечил по-простому: промыл морской водой, стянул грубыми стежками, ловко и быстро, умастил чем-то вонючим и замотал тряпкой. Все без наркоза, естественно, но Санёк даже не пикнул.

Потому что не чувствовал ни хрена. Никакой боли. Словно это не его рука.

Тупо смотрел на скалящегося сфинкса, черного-пречерного на светлой коже, не видимого никому, кроме Сергея...

Чуть позже, краем сознания, Санёк зафиксировал опасность: к нему пытался прорваться какой-то мужик, удивительно похожий на убитого Кнута, орал, широко разевая пасть (слышалось как сквозь бируши), махал топором... Но хирдманы Хрогнира Хитреца скрутили, оттеснили горластого.

– Пей! – В зубы Санька сунули горлышко.

Он глотнул, ожидая, что во фляге пиво... Но оказалось кое-что покрепче. Местная самогонка. Как потом выяснилось, делали ее из того же пива, но по принципиально другой технологии. Зимой вымораживали из напитка воду. Пойло, конечно, послабже водки, но внутри потеплело, и Санёк «разморозился». Вернулся слух и нормальное восприятие мира. И жгучая боль в раненой руке – в придачу.

– Я приберу пока, – крикнул Сергей, указывая на кучу боевого железа, сложенного перед Саньком.

Только узнав меч Костедробителя, Санёк сообразил: это трофеи. Он выиграл хольмганг, и оружие проигравшего теперь принадлежит ему.

– Прибери, – согласился Санёк. С его правой рукой теперь только тяжести таскать.

Черт! А как же вик? Он же теперь не может ни грести, ни сражаться! Вот засада!

Радость победы сразу потускнела.

Санёк попытался встать... Ему тут же помогли, а напротив оказался сам Хрогнир.

– Хороший бой! – похвалил ярл. – Я рад, что ты не дал себя прикончить, дренг! Очень рад! Чую, в нашем вике ты еще себя покажешь!

«Он не собирается списывать меня на берег», – обрадовался Санёк.

– Пойдем, – сказал Хрогнир. – У тебя осталось дело, которое надо закончить.

Олаф Бьернсон пребывал в горе и ярости. Одновременно. Не скрывал этого, но вел себя корректно. Зато оба его сына орал за десятерых. Жаждали отомстить за убитого братца.

Их желание можно было понять. И нежелание Санька с ними драться – тоже. Раненый, он не справился бы даже с младшим, а они вели себя так, будто планировали наброситься на Санька одновременно.

К счастью, Санёк был не один.

– Мечь – это богам любо, – сказал Хрогнир-ярл, когда папа Олаф велел сыновьям заткнуться.

– Можно решить дело выкупом, – мрачно предложил Олаф. – Пятьдесят марок серебром. Кнут был могучим воином. Моим наследником.

– Не таким уж и могучим, раз его прикончил дренг, ни разу не ходивший в вики, – заметил кто-то из хирдманов. – Десяти и то много!

– Тише! – рыкнул ярл. – Я не собираюсь торговаться. И выкупа за кровь не будет. Разве что сам Сандар решит иначе...

Санёк предпочел бы откупиться. С деньгами у него проблем не было, а вот бой его, однорукого, с любым из братьев... Вот это точно проблема. Но ведь и ярл понимает, что Санёк не в лучшей форме. Значит, у Хрогнира есть какой-то план. Хитрый. Ведь не зря у него такое прозвище.

Так что Санёк мотнул головой. Нет, он откупаться не станет.

– Твой сын оскорбил моего дренга, – веско произнес ярл. – Причем сделал это... – Взгляд в сторону не слишком опечаленной гибелью жениха Фольки: —... без серьезного повода. Это все слышали. И видели, насколько твой сын был сильнее моего дренга. Но он мертв и что это значит?

– Это значит: за кровь надо заплатить! – проворчал Олаф.

– Это хольмганг, сын Бьерна, – напомнил Хрогнир. – Здесь решают не только воины. Здесь решают боги. А раз так, я бы объявил этот хольмганг свободным.

«Свободным, значит – свободным от мести, – вспомнил Санёк уроки мастера адаптации. – И в этом случае у родни погибшего не должно быть никаких претензий к победителю».

Санька этот вариант полностью устраивал.

Но не папу Олафа.

– Твой дренг взывал к Одину, и Одноглазый не остался в стороне, – проворчал Бьернсон. – Но мой бог – не Один. Мой бог – Тор! – Олаф извлек из-под бороды амулет: золотой молоток на золотой цепочке. – И Тор...

– ...Да как пожелаешь! – перебил его Хрогнир. – Мы можем продолжить. Кетильфаст! Сандар ранен, а братья убитого жаждут крови и, я вижу, не станут ждать, пока мой хирдман выздоровеет. Не согласишься ли ты встать в круг вместо него? Учти: Олаф Бьернсон считает, что Тор – на его стороне, а если он не ошибается, то это немалый риск!

– Пожалуй, я рискну, – сказал хольд. – Вдруг сын Бьерна ошибается и мне придется сразиться всего лишь с людьми. С кого начнем, Олаф?

– С меня! – рявкнул тот. – Я встану в круг, чтобы отомстить за сына! И раз уж ты так хочешь, Хрогнир-ярл, пусть этот хольмганг будет чистым!

Санёк увидел: Кетильфаст не то чтобы смутился, но озаботился. И улыбаться перестал. Но на попятный тоже не пошел, ясное дело.

– Плохая мысль, – заметил Хрогнир. – Ты, Олаф, хёвдинг Харальда-конунга, и здесь нет никого из людей Харальда, кто был бы достаточно знатен или славен, чтобы засвидетельствовать твои слова. Кроме меня. Однако как раз меня-то конунг в таком деле слушать не станет. Неохота становиться наковальней для молота конунговой мести, если тебя убьют.

– Не думаю, что твой человек меня убьет, – проворчал Олаф. – Думаю: я убью его.

– Ты уверен в этом, сын Бьерна? – прищурился ярл. – Это не ты решаешь, а боги. И они уже решили совсем недавно. Нет, Олаф, если прошлый поединок ты не сочтешь чистым, то и этот таким не будет. Если бы бился один из твоих сыновей – другое дело. Ты – старший в роду. Ты решаешь. Если тебя убьют, старшим станет он, – кивок в сторону Кнутова братца. – И он наверняка захочет отомстить еще и за тебя.

– Ага! – радостно воскликнул Олафсон-средний, вернее, теперь уже старший. – Еще как захочу!

– Умолкни! – рявкнул Олаф. – Чего ты хочешь, Хрогнир Хитрец? Говори!

– Все просто, – сказал ярл с очень недоброй усмешкой. – Если тебя убьют, мне придется позаботиться о том, чтобы мести не было. Хочу, чтобы ты знал об этом, Олаф Бьернсон, когда выйдешь в круг.

– И в чем же будет твоя забота? – с подозрением поинтересовался здоровяк.

– Я вырежу весь твой род, – беззаботно сообщил Хрогнир. – Тогда и мстить будет некому, и Харальд-конунг ничего не узнает, ведь рассказать ему о нашей ссоре

будет некому.

Олаф открыл рот, чтобы высказаться, но ярл не позволил:

– погоди, славный хёвдинг, – сказал он. – Я еще не закончил. Если так случится, что ты прав и Тор Молотобоец защитит тебя, и мой хольд уйдет в Валхаллу, следующий бой будет уже со мной, и, думаю, Тор точно будет на моей стороне, потому что перед походом я подарил ему отличного коня и еще трех телок. Хочу, чтобы ты знал все это, Олаф, до того, как встанешь в круг с моим хольдом. И еще я хочу принести клятву, – ярл достал меч, – клятву на этом мече в том, что, прекращая твой род, я не возьму себе ничего. Один, услышь меня: если Олаф, сын Бьерна, падет, то весь его род и все, что его роду принадлежит, достанется тебе! Мы ничего не возьмем! Ни копья, ни монеты! – Ярл торжественно поцеловал клинок и упрятал его в ножны. – Вот и все, Олаф-хёвдинг. А теперь – в круг! До трех щитов, как и в прошлый раз, если ты не против.

И шагнул в сторону, освобождая здоровяку дорогу.

Но тот в драку не спешил: размышлял.

Минуты две, не меньше. Его никто не торопил. Даже сыновья его вели себя тихо.

– Я передумал, – наконец сообщил Олаф. – Твои слова о вмешательстве богов показались мне более вескими, чем раньше. И я теперь вижу, что без их помощи твой дренг не смог бы победить моего сына, возвращавшегося с добычей из многих вигов, искусного в ратной пляске и могучего, как я сам. А раз не люди, а боги решали, кому победить, то не мне с ними спорить. Я отказываюсь от мести и выкупа и признаю хольмганг, в котором твой дренг Сандар победил моего сына, чистым! Асы слышат меня!

Последние слова он гаркнул с такой силой, что компания воронов, с понятным интересом наблюдавшая за человеческими разборками, сорвалась с места и с карканьем закружилась над людьми.

– Боги услышали, – констатировал Хрогнир-ярл, и инцидент был исчерпан.

Грести не пришлось. От всякой тяжелой работы Санёк был освобожден. До выздоровления. Собственно, наступить оно могло очень быстро, но Санёк пользоваться регенератором не стал. Мало ли как отнесутся викинги к чудесному исцелению раны... Которая к тому же прекрасно заживала и без везонной медицинской помощи. Санёк на всякий случай обработал ее при следующей перевязке мазью с антибиотиком. Не помешает.

Освобождение от работ было тоже по-своему приятным. Можно было без помех любоваться красотами дикого мира, учиться у кормчего Кетильфаста определять отмели по цвету воды и возможные места «парковки» драккара по характеру прибоя. И в общих боевых тренировках Санёк тоже участвовал, но с учетом «ограниченной годности» – без активных действий, исключительно в защите. Держал щит в общем строю.

После победы в хольмганге отношение к Саньку в хирде изменилось. Прежде он формально относился к группе «новобранцев», а из матерых викингов к общению с ним снисходили только Сергей (это понятно), Словении Дахи и Кетильфаст, который скорее не общался, а присматривал за Саньком. Теперь же его, без лишних слов, приняли в «команду ветеранов». О том, что Санёк специально «отдал» руку, догадывался только Сергей Сигар, тоже в свое время прошедший школу Мертвого Деда. Остальные «обыгрыша» не видели, зато видели проявленное Саньком мужество и волю к победе. Раненый более сильным противником, он не растерялся, не запаниковал, а сработал как и подобает воину. Воспользовался оплошностью Кнута, посчитавшего, что победа у него в сумке, и, игнорируя боль, раненой рукой всадил меч в шею Костедробителя.

Именно так трактовал победу Санька Кетильфаст, когда проводил с молодежью урок теории.

Глава восьмая

Игровая зона «Мидгард». Александр Первенцев. Будни удачливых викингов

Араккар Хрогнира-ярла носил имя «Слейпнир». Оно означало что-то вроде «быстро скользящий». А еще так звали восьминогую жеребца главного бога

викингов Одина. Происхождение самого Слейпнира было весьма любопытным. Его папой был жеребец, некогда принадлежавший одному великану. Великана боги подрядили строить стены вокруг Асгарда, но в итоге кинули и убили. А мамой Слейпнира был не кто-нибудь, а рыжий и коварный бог Локи, который, обратившись в кобылу, одного жеребца соблазнил.

Восьминогий жеребец, черный на красном фоне, был изображен на личном знамени Хрогнира, и знаменем этим ярл весьма гордился, утверждая, что его подарил прадедушке Хрогнира сам Один. Вот так. Зоофилия была, но предки ярла в ней оказались не замешаны, а с Локи – какой спрос? Самый коварный и беспринципный из здешних богов. Причем он даже не бог, а сын огненного великана, прописавшийся в Асгарде на птичьих правах.

Что ж, Один подарил ярлову роду знамя со Слейпниром или нет – вопрос открытый. А вот то, что возраст знамени весьма почтенный, сомневаться не приходилось. Заплата на заплате.

Одиннадцать дней они шли по морю вдоль неизвестного Саньку берега. Все это время Санёк греб наравне с другими. Его рука зажила – остался лишь длинный красный шрам. Будет что показать мастеру Скауру. И поблагодарить заодно. Как-никак именно прием Мертвого Деда спас Саньку жизнь.

Грести было не слишком трудно. И очень неплохо для накачивания мускулов. Санёк с каждым днем чувствовал себя здоровее и здоровее. Вроде бы даже в плечах раздался. Пара взятых с собой рубах, когда-то свободных, теперь с трудом зашнуровывалась на груди. Хорошо, что доспех у него был нынче другой, сделанный по мерке покойного Кнута Костедробителя. Кетильфаст уговаривал Санька и меч поменять, но Санёк отбрехался тем, что трофейный – не под его руку. Ну не мог же он сказать, что его клинок, неказистый с виду, по факту и гибче, и крепче. Впрочем, приведенный аргумент тоже был принят, и оружие Санька осталось при нем. А с мечом Кнута он лишь тренировался время от времени, накачивая руку.

Кому-то это путешествие, в тесноте, с не слишком хорошей пищей, с тяжелым монотонным трудом гребца, показалось бы скучным и утомительным. С восхода до заката вращать весло или, когда не твоя смена, столь же однообразно «играть» оружием... Никаких развлечений, кроме недолгих стоянок на каменистом негостеприимном берегу, да и то если удастся обнаружить доступную для драккара бухточку с источником питьевой воды, а чаще бросали

якорь и ночевали прямо на палубе, в тесноте и вони, с которой не мог справиться даже морской ветерок. Странно, но Саньку это все действительно нравилось. И он, который мог сейчас развлекаться на Свободе или на каких-нибудь тропических островах в миру, где много вкусной еды, холодного пива, музыки и красивых девушек, с удовольствием грыз вяленую рыбу, запивая ее не самой свежей водой, слушал довольно-таки заунывные скандинавские песни – и наслаждался. Нигде он так остро не чувствовал жизнь, как на этой седой от соли палубе.

Только один раз он покинул суровое общество: на берегу, во время стоянки. И лишь для того, чтобы выйти из Игровой зоны с помощью эвакуатора – и через полтора часа (Сергей прикрывал его отсутствие) вернуться обратно, открыв таким образом новый двадцативосьмидневный период непрерывного нахождения в Игре.

На двенадцатый день плавания к Хрогниру Хитрецу и его людям пришла удача. Удача приняла облик двух фризских кнорров, мирно расположившихся в небольшой бухте.

Слово «Фризия» ничего не говорило Саньку, зато, что такое кнорр, он знал. В отличие от хищного драккара, который являлся, в первую очередь, боевым кораблем, кнорр был купеческим судном: повыше, потолще, повместительнее. Больше товаров, меньше воинов и как следствие – поменьше скорость. Впрочем, на этот раз погони не намечалось. Один из кнорров был разгружен, вытасен на берег и лежал на боку. Рядом возилась команда: ремонтировала кноррово брюхо.

Увидав драккар, фризы бросили работу и принялись поспешно облачаться в боевое.

– Убрать мачту! – скомандовал Кетильфаст.

Драккар неторопливо двинулся к берегу. Открыли ящики с оружием. Санёк развернул просмоленную ткань, извлек воняющий жиром (А что поделать? Иначе заржавеет) панцирь покойного Кнута, натянул шерстяной поддоспешник, потом – куртку из свиной кожи и только потом – броню. Тяжеленькая, блин! Зато крепкая. И вид солидный. Сергей тоже приоделся. Выглядел круто. Панцирь –

пластина к пластине – с зеркалом, на котором – страшная рожа. На плечах – рыжая лисья шкура, гармонирующая с такой же рыжей бородой, что топорщилась ниже края «очкового» шлема. Щит на левом плече разукрашен синим и красным, в правой руке здоровенное копье с внушительным наконечником, насаженным на красное древко с лисьими хвостами, висящими вдоль трубки наконечника.

– Повеселимся, игрок? – еле слышно, одними губами проговорил Лис.

Санёк пожал плечами. Он малость мандражировал. Все-таки первый настоящий бой. Поединки – это другое.

– Главное – держать строй, головастики! – напутствовал молодняк Кетильфаст.

Он это говорил и на тренировках, и когда они собирали дань с бондов. И когда стояли против Олафа Бьернсона и его родичей.

«Держать строй – это понятно, – думал Санёк, глядя на приближавшийся берег. – Но перед тем, как держать, сначала надо построить...»

Судя по тому, что второй кнорр стоял на якоре метрах в десяти от берега, и по торчащим из воды скалам – высадиться будет непросто. Придется прыгать в воду и оставшиеся метры бежать по каменюкам к суше... А на суше уже ждут крепкие парни с оружием. Эти уже построились и готовы принять храбрецов-одиночек.

– Их десятка три, – прикинул кто-то.

– Три больших десятка, – уточнил хирдман по прозвищу Ворчун.

– Нас больше!

– Мы выпотрошим их, как овец! – рявкнул Медвежья Лапа.

– Убьем фризов!

– Убьем их всех!

– Заберем их добро!

– Сдерем с них шкуры!

Драккар летел птицей, взмахивая крыльями-веслами.

– Пятнадцать-шесть – справа! – орал глазастый дренг Свиди, устроившийся чуть ли не на голове носовой фигуры-дракона. – Двадцать два-восемь – ровно! – Обозначая препятствия и следуя его указаниям, кормчий Кетильфаст закладывал руль то влево, то вправо, вписываясь в фарватер и не снижая скорости.

Две сотни с хвостиком метров, вернее – полтора кабельтовых...

– Легче! – закричал Кетильфаст. – Трин!.. Трин! – Задавая новый ритм гребли.

Ветер дул с носа. Знамя с восьминогим жеребцом Слейпниром плескалось на макушке лишенной паруса мачты.

– Готовьсь! – Один кабельтов.

– Правый – суши! Левый – упрись!

Драккар начал разворот по пологой дуге.

Свиди что-то кричал, но в его указаниях уже не было необходимости. Драккар разворачивался, а все, что было по левому борту, Кетильфаст видел и запомнил.

С берега полетели первые стрелы... Не долетали пока что.

Рядом с Саньком на скамью плюхнулся Вигфус Лысина, один из самых старых хирдманов – ему уже за сорок перевалило. Старый, опытный, матерый. Поперек рожи шрам, губа раздвоена, под ней дырка – протезистов-стоматологов здесь нет. Вигфус покрепче ухватился за весло, подмигнул Саньку. И тут же последовала команда, уже ярлова:

- Правым – готовьсь! Прикрыться!

Над Саньком воздвигся кто-то из хирдманов, заслонил щитом. Очень вовремя, потому что в щит тут же ударила стрела. Драккар вышел на дистанцию перестрела.

- Правый – держать! – взревел ярл.

Санёк не понял, но понял Лысина. Приподнял рукоять так, чтобы весло оказалось параллельно воде, заорал Саньку в ухо:

- Держать, дренг!

Щит, прикрывший Санька и Лысину от стрел, принадлежал Санькиному антагонисту Грейпюру. Рожа красная, борода распушилась, глаза горят... Битва! Грейпюр распрямылся, хекнул, метнул копье. Заревел так, что у Санька ухо заложило, перемахнул через борт и приземлился на весло.

- Держать! – снова истошно завопил Лысина.

И Санёк навалился всем весом, еще и коленями зацепился. Удержал. Секунды три, не больше. Грейпюр промчался по веслу, набирая разбег, а потом великолепным прыжком махнул с него прямо на берег. Не долетел метра три, приземлился в воду, подняв фонтан брызг, но не упал, не остановился, а рванулся вперед и через секунду оказался на песке. И не он один. Не меньше полутора десятков бойцов Хрогнира Хитреца десантировалось по той же схеме.

Викинги прорывались на берег в одиночку и группами.

Фризы метали в них копья, но в прибое остался только один хирдман ярла. Остальные выстроились и соединили щиты. Некоторые даже успели поймать вражеские копья и отправить их обратно.

Что-то мощное, прогудев, будто огромный шмель, пронеслось у Санька над головой и воткнулось в пустую скамью левого рума. Копье!

– Дренг, не спи! Замерзнешь! – захохотал Вигфус Лысина, вытягивая весло на палубу. – Лови! – Он сорвал с борта щит и сунул Саньку. Сам подхватил еще один и, мощно оттолкнувшись, маханул через борт. Пролетев никак не меньше десяти метров, он все равно ушел в воду почти по шею.

Санёк сообразил: перед прыжком надо разогнаться. Попадешь туда, где глубоко, мало не покажется. Плавать во всем этом железе можно было только в одном направлении. Вниз.

Санёк вскочил на противоположный рум, разбежался, толкнулся... и понял, почему Лысина сиганул без разбега. Понял, когда его прямо на лету сшибло вражеское копьё.

Саньку очень повезло: копьё прошло щит, едва не задев руку, и увязло в древесине, всего лишь коснувшись доспеха на груди.

Но осознал он это позже. Сначала был страшный удар в щит и толчок в грудь напротив сердца. Вдобавок, подбитый на лету, Санёк перевернулся, плюхнулся в воду спиной и сразу ушел на дно, полностью потеряв ориентацию. Приложиться спиной о воду, да еще в боевых «утяжелителях» – это неслабо. Впрочем, именно доспехи и помогли: смягчили удар.

Дальше – рефлексы. Даже в воде Санёк сумел сгруппироваться, встать на ноги. Пробитый щит он выронил еще в полете.

Встать-то встал, но обнаружил, что вода скрывает его целиком, выше макушки шлема.

подавив приступ паники, Санёк присел, толкнулся... И выскочил из воды. Примерно по плечи. Достаточно, чтобы вдохнуть воздуха, получить волной по физиономии и... не увидеть берега.

Ага! Выходит, его развернуло. Не страшно. Внеся поправку Санёк подпрыгнул еще раз, берег оказался на правильном месте. Более того, Санёк даже разглядел, что там вовсю идет бой. Бой! Без него!

Помогая руками, Санёк зашагал по дну и через минуту сумел вдохнуть уже без подпрыгивания. А вода, однако, холодная! Руки уже онемели.

Санёк рванул изо всех сил – и вот уже он в море всего лишь по пояс. Еще усилие – и он на твердой земле, весь мокрый, потяжелевший на несколько килограммов...

Но времени отжимать поддоспешник-подшлемник-портки не было. Даже воду из сапог выливать некогда.

Впрочем, одно небоевое дело он успел совершить: ухватил за ворот хирдмана, корчившегося в полосе приборя с обломком копья в боку, и выволок его на песок.

Затем подобрал валявшийся на песке щит и добежал до строя своих как раз вовремя: один из хирдманов «выпал», поймав топор в переносицу. Прежде чем строй успел сомкнуться, Санёк воткнулся в брешь, отбил мечом копье, которым его едва не приветили, и (полшага вперед) секанул мечом вправо, зацепив руку фриза... Которого тут же добил секирой хирдман справа от Санька. Ого! Да это сам ярл!

– Вперед! – Хрогнир метнул секиру (попал!), выхватил меч и двинул в открывшуюся брешь.

Не один, разумеется. Весь строй привычно сменил построение, превратившись в атакующий клин. Хирдманы поднажали. Санёк уперся щитом в щит какого-то фриза... Который заорал и повалился наземь – ему подрубили ногу.

Стараясь не отстать от ярла, Санёк наступил на дергающееся тело, на миг ощутив страх, осознав свою незащищенность от удара снизу, но толком испугаться не успел, потому что нога уже уперлась в твердую землю. Вернее, в рыхлый песок. Перед Саньком возник новый враг, но росчерк ярлова меча разрубил фризу лицо, и Саньку осталось лишь оттолкнуть его щитом под топор хирдмана слева.

Вокруг было так тесно, что Саньку хотелось бросить меч и взяться за ножи.

Его больно пнули по колену, попытались врезать по подбородку краем щита (Санёк уклонился), несильно рубанули по шлему, попытались воткнуть в глаз копье. Санёк сбил его щитом, кольнул мечом. Не достал. Тут его подпихнули в спину, Санёк, в свою очередь, надавил на щит зажатого между своими и чужими пыхтящего фриза... И опрокинул его.

И оказался на свободе. Они прорвали вражеский строй!

Санёк не успел осознать, что произошло. Зато он увидел спину врага. То, что это враг, стало понятно само собой. И так же, «само собой», Санёк всадил меч фризу в поясницу. Повернул, выдернул и ударил в лицо другого фриза, успевшего развернуться навстречу опасности, но не успевшего защититься.

Третий, над которым Санёк занес меч, вдруг бросил топор и рухнул на колени. Санёк еле успел увести удар в сторону. Кто-то из своих ударил сдавшегося коленом в лицо, опрокинул на песок, но добивать не стал. Перепрыгнул и обрушил топор на орущего фриза, с залитой кровью щекой.

А Санёк вдруг обнаружил, что сражаться больше не с кем. Вокруг были только свои. И мертвые фризы. И несколько живых, стоящих на коленях с руками, сложенными на затылке. На одного из них накинута хирдман по имени Келль. Санёк легко его узнал, потому что шлем Келля где-то потерялся. Налетел, опрокинул... И начал быстро и умело связывать. Тут Санёк вспомнил, что у него тоже есть веревка, и повязал ближайшего фриза. Тот не сопротивлялся, лишь пыхтел и охал. Правый рукав фриза весь пропитался кровью, а на руке не хватало пары пальцев. Подумав немного, Санёк отхватил кусок веревки и наложил фризу жгут повыше локтя. Чтоб не помер от потери крови.

Глава девятая

Игровая зона «Мидгард». Александр Первенцев. Игровые методы викингов

– Ваш конунг обещал мне безопасность. Всем нам, кто придет к нему торговать. – Главный фриз сообщил это без особой надежды. Выглядел он плачевно. Но лучше, чем большинство его людей. Те были просто мертвы. – Ваш

конунг Харальд.

– У меня нет конунгов, – возразил Хрогнир. – Я – свободный ярл. Хожу где хочу, беру что хочу. Так что не трать слов попусту. Скажи лучше: я могу рассчитывать, что за тебя и твоих людей заплатят выкуп?

– Можешь, – мрачно произнес купец. – Рассчитывать ты можешь.

– Сто марок, – определил ярл. – За всех. Это справедливая цена.

– Справедливая, – согласился фриз. Он явно ожидал большего. Но всё же не удержался, добавил: – Справедливая, если бы ты взял нас в бою, а не захватил обманом.

– Ты дрался, – напомнил Хрогнир. Он внимательно следил за купцом и делал выводы. По его реакции – на сумму в сто марок. – Ты дрался, и я потерял шестерых.

Фриз пожал плечами. В бороде у него запеклись кровавые сосульки.

– Я потерял больше.

– Возможно. Но у тех, кого убили, остались родичи. Им тоже причитается.

– Выдели им из того, что ты у меня отнял, – буркнул купец.

– Что я у тебя взял – уже мое, – Хрогнир Хитрец усмехнулся. – Сорок марок верегельда – за каждого. И сто – за себя. Сколько всего?

– Триста сорок, – подсчитал фриз. – И столько я не соберу. Сто пятьдесят, может сто восемьдесят, – это все, что может набрать моя родня.

– Я добр, – сообщил ярл. – Я не буду торговаться с тобой. И я верю, что триста сорок – это больше, чем ты можешь собрать. Пусть будет триста.

– Но...

– Помолчи! – перебил Хрогнир, и его хольд Грейпюр Крикун приложил купца ладонью по затылку. – Я сказал, что торговаться не буду. Триста – хорошая цена. А чтоб ты понял, что эта цена хорошая, я тебе кое-что покажу. Вот этот мой хольд, – кивок на Грейпюра. – Его прозвали Крикуном. Знаешь почему? Потому что, когда он берется за человека, тот очень скоро начинает кричать. И кричит до тех пор, пока не умрет. Или пока Грейпюр не отрежет ему язык. Сейчас ты кое-что увидишь, фриз. И поймешь, что триста марок – цена не только за жизнь. Грейпюр, ты знаешь, что делать.

– Конечно, ярл, – хольд ухмыльнулся, оглядел кучку связанных пленников, ухватил какого-то паренька, швырнул на песок, придавив ногой, вытащил из чехла нож...

– Не трогай его! – закричал фриз. Похоже, он понял, что сейчас произойдет, и бросился к Грейпюру. Попытался броситься, потому что купца тут же перехватили, вывернули руки.

– погоди, хольд! – вмешался ярл. – Почему я не должен его трогать, фриз?

– Это мой племянник, – очень тихо проговорил купец.

– Довод серьезный, – согласился Хрогнир. – А скажи мне, фриз, есть ли здесь еще твои племянники?

– Нет.

– Может быть, сыновья? Или зять? – вкрадчиво поинтересовался ярл.

– Нет.

– Что ж, я уважу твою просьбу. Грейпюр, отпусти этого и возьми другого.

Другим оказался фриз, которому Санёк перетянул жгутом руку.

И Санёк вскоре пожалел, что оказал ему помощь. Лучше бы он истек кровью. Хотя тогда на его месте оказался бы кто-то другой...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Свобода – свободная игровая территория Стратегии, она же – Рекреация.

2

Верегельд (вира) – денежный штраф за совершенное преступление. В данном случае – за убийство. Но может быть и выкупом за невесту, например.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandr-mazin/igry-vikingov>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)